

МТА III

Победители Первого альтернативного международного конкурса
«НОВОЕ ИМЯ В ФАНТАСТИКЕ»

МТА

Альманах

**Победители Первого
альтернативного международного
конкурса «Новое имя в
фантастике». МТА III**

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2013

Альманах

Победители Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике». МТА III / Альманах — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2013 — (МТА)

Авторы альманаха смело работают с сюжетами и коллизиями, с метафорами и с аллегориями, с самой формой текста, с его ритмом, с его дыханием. Здесь есть и гротеск, и ирония, и философия, и лирика. Здесь мелькают иные планеты и экзотические острова, а совсем рядом оказываются вполне узнаваемые, сугубо земные пейзажи... Здесь есть все, чтобы доказать, что фантастика не заблудилась в трех соснах примитивных сюжетов, что Золушка еще жива и готовится к новым свершениям. «Пепельно-синее небо, потерявшее блеск, навсегда превратившись в серую дымку, и кроваво-алое солнце, сжигающее растения и воздух, наблюдали за восстановившейся после ужасных событий Землей. Много десятилетий назад началась война. Ненависть, переполняющая сердца людей, лишила их рассудка. В один миг человек все уничтожил сам: города превратились в руины и кладбища, реки — в кислотные берега, а моря — в бескрайние пески. Но ради чего это все было? Люди до сих пор сражаются друг с другом, но оружия у них больше нет, оно все было уничтожено триста лет назад огненной волной, солнце все сожгло, превратив планету в пустыню...» (Татьяна Генис.)

© Альманах, 2013

© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2013

Содержание

Прием и бренд	6
Инга Андрианова	7
Грот	8
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Альманах Победители Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике». МТА III

© Продюсерский центр Александра Гриценко, 2014

© Интернациональный Союз писателей, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Прием и бренд

Недавно я был на пресс-ланче, где самое крупное российское издательство представляло новые книжные проекты. По очереди выступали руководители отделов. Выступал и руководитель отдела фантастики. Потом ведущий предложил задавать вопросы. И один серьезный мужчина из одного серьезного журнала, с названием что-то вроде «Специалист», спросил: почему в современной фантастике нет таких ярких авторов, какими были в советское время братья Стругацкие, какими в современной «большой» литературе являются Виктор Пелевин и Владимир Сорокин? Руководитель отдела фантастики ему как-то по возможности ответил... Трудно отвечать на такой вопрос человеку, который совершенно не знает, что происходит в современной фантастической литературе. Да и не хочет знать. Спросивший не ждал ответа. Он хотел задать провокационный вопрос. Он так и сказал: «Сейчас я задам провокационный вопрос». И задал его. И ответ не слушал. И все равно я захотел добавить кое-что к сказанному руководителем отдела фантастики крупнейшего российского издательства...

Я сказал, что в современном книгоиздании фантастика существует в двух ипостасях – как бренд и как прием. Под брендом «фантастика» печатаются произведения, от которых никто не ждет больших литературных изысков. От них ждут стабильности. А при стабильности – не до изысков. Но если автор, пишущий фантастику, выбивается из «обоймы», доказывает свою способность писать что-то действительно выдающееся, его уже перестают печатать под брендом «фантастика». Но при этом фантастику он писать не перестает. Что любопытно, названные серьезным человеком Пелевин и Сорокин как раз и пишут фантастику. Пелевин всегда писал, а Сорокин – в последние годы. Так же, как пишут фантастику и Дмитрий Быков, и Татьяна Толстая, и Павел Крусанов, и Ольга Славникова. Но на их книгах отсутствует мета «фантастика». Так же, как нет таковой и на книгах Аркадия и Бориса Стругацких, которые всегда стояли особняком. И ценились отдельно.

Потому что есть еще фантастика как прием. Прием, которым пользовались Гёте и Свифт, Пушкин и Гоголь, Булгаков и Алексей Толстой. И сейчас существует много авторов, которые в своем творчестве используют прием фантастики. Но им довольно трудно пробиваться к читателю. Потому что кто-то ждет от фантастики стабильности, которая есть у книг, выходящих под этим брендом, а кто-то, наоборот, изначально предубежденно относится к любой фантастике, потому что как раз не хочет этой самой стабильности, которая есть у книг, выходящих под этим брендом.

Фантастика как прием с трудом пробивает себе пути. И коллективный сборник – один из таких путей. Да, конечно, произведения, вошедшие в третий выпуск «МТА», неравны между собой. Все они очень и очень разные. Однако здесь главенствует принцип свободы. Поучаствовать может каждый. А кто плох, кто хорош – решит «незашоренный» читатель.

Возможно, кто-то из авторов этого сборника в будущем станет писать книги, которые выйдут под брендом «фантастика» в крупных издательствах, а кто-то будет писать просто хорошую литературу, используя прием фантастики, и его будут издавать под его именем безо всяких брендов. А кого-то забудут. И ничего тут не поделать. Но кто-то точно останется!

*Андрей Щербак-Жуков,
поэт, прозаик, литературный критик*

Инга Андрианова

Родилась в Москве. Окончила специколу и факультет иностранных языков. По окончании вуза работала переводчиком в нескольких зарубежных компаниях. С 1999 по 2010 год руководила детским театром, ставила спектакли на европейских языках. Театр получил «Серебряную маску» на Всероссийском конкурсе и специальный приз жюри на Всемирном театральном фестивале в Сан-Ремо. В настоящее время перевожу стихи, путешествую, пишу о странах, о людях, которых встречаю на своем пути, о том, что ежедневно дарит Жизнь.

Грот

– Не задерживаемся! Не отстаем! Проходим в следующий зал, далее выходим из пещеры, поднимаемся на смотровую площадку и делаем общий панорамный снимок!

Экскурсовод подняла руку, собирая внимание группы, убедилась, что все ее слышат, и только после этого продолжила:

– Далеко не расходимся, внимательно смотрим под ноги!

Мы поплелись в хвосте процессии, щелкая камерой, стараясь захватить всю панораму целиком, а заодно исполинский валун, деливший пещеру на равные части. Передние уже вовсю обсуждали открывшийся вид, и до нас доносилось их разноголосое эхо. Я потянула Ваньку за руку, Максим легонько подтолкнул его коленкой и беззаботно рассмеялся.

– Ну, ты! – Ванька сжал кулачки, сурово посмотрел на отца.

– Ну, я! – задиристо начал Максим.

– Брейк! – решительно вклинилась я, и поединок закончился в первом же раунде.

В пещере было сыро и темно, где-то журчала вода, под сводами хлопала крыльями бес-толковая птица. Экскурсанты топтались у стен, любуясь наскальным творчеством туристов.

– Витек из Выхино! – громко прочитал Ванька и нахмурился, – Так не честно! Этот Витек уже писал на остановке... и в туалете тоже писал, а еще в автобусе на спинке кресла!

– Да, – улыбнулся Максим. – Витек из Выхино крупный писатель!

За нашими спинами кто-то весело хмыкнул.

– Этот Витек отметился на всех маршрутах, – экскурсовод кокетливо улыбнулась Максиму. – Даже вскарабкался по отвесной скале.

– Покажите! – потребовал Ванька.

– Сейчас поднимемся на смотровую площадку, и ты сам все увидишь.

Ванька нахмурился, отошел в сторонку, всем видом демонстрируя протест. Стало ясно: подвиги Витька занимают его гораздо больше, чем весь маршрут с его живописными гротами и сталактитами.

Но вот экскурсовод пошла на выход, мы дружно потянулись вслед за ней, Ванька первым выскочил из пещеры, словно послушный ученик, пристроился поближе к умной тетеньке, так хорошо изучившей повадки Витька-верхолаза. Я вышла из грота и невольно зажмурилась: луч солнца подрожал в ветвях, нырнул в ближайшую лазейку и вероломно выстрелил в глаза.

Когда ко мне вернулось зрение, а контуры сложились в первозданный силуэт, экскурсовод уже поднималась по горной тропинке, следом за ней увлеченно карабкался Ванька.

– Похоже, у Витька появился фан-клуб, – рассмеялся Максим.

Я поглубже вдохнула, прибавила шагу:

– Не упускай их из вида – тропинка узкая, кругом ущелья...

На смотровой площадке было пусто. Затоптанный унылый пяточок почти расплавился от зноя, перила, казалось, вот-вот задымятся, а на белую майку Максима было больно смотреть. Ванька выклянчил камеру и пристроился к группе фанатов Витька, изучавших эскизы кумира. Да, Витек не блистал красноречием: все та же избитая пара имен, соединенных коротким и емким предлогом, все тот же цвет баллончика – кислотный купорос.

Экскурсовод тем временем вертела головой и щебетала заученный текст:

– Перед вами знаменитое Драконово ущелье. Чем оно знаменито? – спросите вы. Я отвечу – одной очень древней легендой. Легенда эта гласит, что испокон веков долину охраняет исполинский дракон, имя которому Улак (по местному Влас). В одной из карстовых пещер находится его обитель. Днем он спит и не любит, когда его тревожат.

– А от кого он охраняет долину? – вклинился Макс.

– Он охраняет вход в соседний мир.

– Хотите сказать, что древние знали о параллельных мирах? – рассмеялся Максим.

– Они не считали его параллельным, а называли просто Даг-Гар. Говорят, что пещера находится прямо под нами. Если посмотрите вниз, – экскурсовод шагнула к перилам, вытянула руку в сторону утеса, – то обнаружите гигантское углубление. Днем его не увидишь, а на закате, когда от скалы отражается солнце, можно заметить широкий проем, который открывает вход в тоннель. Добраться туда невозможно, потому что стена в этом месте отвесная. Многие пробовали спуститься туда по веревке, но безуспешно: глыба, нависшая над входом, закрывает путь сверху, а путь снизу перекрывает такой же отвесный уступ.

– Сплошной облом! – рассмеялся Максим.

– В качестве утешения могу предложить вам прогулку поверх лабиринта. Эта дорога идет вдоль побережья и, как говорят знатоки, – тут экскурсовод подмигнула Максиму, – повторяет рельеф одного из тоннелей.

– Затоптанного сотнями туристов! – произнесла я вслух.

Экскурсовод уколола меня неприязненным взглядом, подернула плечом и отвернулась.

Наша группа уже выстроилась в очередь на снимок: каждый хотел оказаться на фоне ущелья и, желательно, отдельно от других.

– Иди к перилам, запечатлею тебя в легендарной долине, – распорядился Максим. – Камера где?

– У Ваньки.

– А Ванька где? – Максим уставился мне в лоб.

Я огляделась: Ваньки нигде не было. Экскурсанты понуро топтались в очереди на шедевр, продвинутые ползали по скалам, выискивая нужный ракурс. Чуть в стороне наша дама общалась с любознательной супружеской четой.

– Ваньку не видели? – крикнула я.

Дама молча пожала плечами, старички усердно завертели головами.

– Пойду, пошарю по кустам, – нервно бросил Максим и начал спускаться по горной тропинке.

Я пробежала вдоль перил, заглядывая вниз и гулко ухая сердцем. На склоне было пусто, никаких следов Ваньки, все тот же унылый, выжженный солнцем пейзаж. В какой-то момент мне почудился свет фотовспышки, а следом послышался сдавленный крик. Я охнула, схватилась за перила, а миг спустя уже летела вниз по косоугору. Тропинка выглядела плоской и пологой, но на поверку оказалась крутой и коварной: со всех сторон шипел и осыпался гравий, кусты, за которые я то и дело цеплялась, предательски гнулись к земле, грунт под ногами оползал. За очередным коротким виражом я налетела на Ваньку. Тот сидел на земле и растирал разбитую коленку.

– Ты что здесь делаешь, паршивец?

– Хотел тебе сделать сюрприз, – проблеял Ванька и скорчил виноватое лицо. – Отсюда виден вход в пещеру, и я хотел его заснять...

– А ну-ка марш наверх!

– Я камеру потерял, когда падал! – захныкал Ванька.

– Шагай отсюда, я сама найду камеру!

Ванька понуро затопал наверх, демонстративно приволакивая ногу. Хитрец прекрасно понимал, что отец не накажет хромого бойца, а если и накажет, то не строго.

Я проводила Ваньку взглядом и покачала головой:

– Еще и камеру расколотил, поганец! – опустила на корточки, заглянула под куст, огляделась, пошарила рукой в траве, потом привстала, осмотрела валуны...

Ноги разъехались, опасно заскользили, и в последний момент я едва ухватила за ветку лещины. Чуть справа внизу колыхнулись кусты, а через миг оттуда выпорхнула птица.

Я зашаталась, громко чертыхаясь.

– Нашла тоже место! – и тут мой взгляд зафиксировал черный продолговатый предмет. Еще один тугой порыв, и в примятой траве рядом с птичьими перьями блеснуло что-то округлое.

– А вот и объектив!

Я шагнула вперед, гравий под ногами зашуршал и провалился, а секунду спустя с раскатистым и гулким треском я полетела в пустоту.

* * *

Откуда это синее свечение? Оно как будто отовсюду, но источника не видно. Где-то сочится вода, от скал идет тревожное мерцание.

Я подняла голову, осмотрелась: каменный свод и проем впереди. Похоже, я провалилась под землю, в знаменитый драконов тоннель, а проще, в карстовую воронку. Интересно, какой она глубины? Ноги, кажется, целы, голова не болит, значит, пещера не слишком глубокая. Повезло, что ничего не сломала! А еще этот матовый свет неизвестно откуда. Вся пещера пронизана ровным холодным свечением.

Я поднялась, прислушалась: далекое журчание воды и шорох земли под ногами. Воздух влажный, насыщенный... и неподвижный. Где тут выход? Ни факела, ни зажигалки.... Попробуем мобильный телефон, хотя надежды очень мало: на всем маршруте он работал только раз – у старенькой бензоколонки. Так я и знала! Нет сигнала! Зато зарядка полная, а значит, можно будет подсветить...

Странно, почему мне не страшно? Должно быть, я еще не успела испугаться, а может, чувствую, что выход где-то рядом. Для экстремальных авантур этот маршрут слишком исхожен. Скорее всего, где-то там наверху, над головой моей бредут понурые стада туристов вслед за ушлыми гидами с их пресными байками. Ну все, поплакалась и будет, теперь пора выбираться на свет. Ваньку и Макса пугать не хотелось.

Я сделала несколько робких шагов, и своды пещеры умножили эхо. Жуткое место! Только сейчас я ощутила всю тяжесть камня надо мной, всю мощь скалы, всю ее монолитность.

Тоннель оказался прохладным и длинным, а самое главное, без разветвлений – одна прямая ровная дорожка. Случись со мною лабиринт, и никакой надежды на спасенье: ни карты, ни компаса, ни воды, ни огня. Да, кстати, о воде: откуда этот звук капли? Казалось, он исходит отовсюду, и только прислушавшись, понимаешь, что журчит как будто за стеной. Значит, скоро вырж, а за ним и вода, и надежда на выход...

Тут стены дрогнули, и, кажется, прогнулись, послышался протяжный свист, переходящий в громкое шипение, а следом низкий ровный вой. Мои ноги обмякли и подкосились, тело стало бесформенно-ватным. Горло свело, в животе пробудился вулкан, и вулкан этот ухнул, налил и брызнул во все стороны кипучей лавой животного страха.

Возьми себя в руки, не паникуй и не кричи! Какое там «не кричи» – нет сил даже пошевелиться! Ноги будто вросли в исполинскую толщу скалы, руки мелко дрожат, по спине сочится липкий пот!

Я прижалась к стене, сделала несколько глубоких вдохов, усилием воли включила мозги:

– Итак, назад нельзя – там колодец, тупик, а это означает, что нужно двигаться только вперед. Как же мне поступить: пробираться к источнику адовых звуков, или трусливо прятаться в тоннеле?

Пока я спорила сама с собой, страх поутих и осел где-то в пятках, оковы спали, тело обрело подвижность. В мозгах наметился просвет:

– Конечно, этот рев – природное явление! Нужно двигаться дальше, пока не стемнело, вдруг свечение напрямую зависит от времени суток? Станет страшно – остановлюсь, пережду

приступ паники, станет неспособен – присяду, отдышусь. Может, выход за тем поворотом, а я стою тут, страдаю от собственных страхов.

Я сделала несколько робких шагов, остановилась, прислушалась: вокруг тишина, даже капель не слышно. Еще один шаг... все по-прежнему тихо, как будто и не было страшного рева. Весь тоннель показался пустым и заброшенным. Еще метров двадцать неспешной ходьбы, и впереди наметился просвет, воздух сделался легче, как будто светлее, в душе возникло ощущение свободы, и крылья понесли меня на выход.

Тропинка неожиданно вильнула и вывела меня к развилке. Здесь свечение шло из обоих тоннелей и означало первую дилемму.

– Ну вот, накаркала себе лабиринт! Теперь думай, где север, где юг, чем рисовать пометки на стенах и как потом возвращаться в исходную точку. Ладно, исследую левый рукав, если это тупик, то вернусь и пойду по другому тоннелю.

Я свернула налево, прошла метров сто и обнаружила, что двигаюсь по кругу.

Развилка давно пропала из виду, проход расширился и посветлел. Я сделала несколько робких шагов, и передо мною вырос вход в пещеру... в самом центре которой лежал исполинский дракон...

Не знаю, почему я не кричала – скорее всего у меня отказали связки. Я открывала рот, хватала спертый воздух и пятилась назад в какой-то мутной полудреме. Казалось, что душа обледенела, а сердце выпорхнуло прочь.

Еще один шаг, и я уперлась в холодную стену, внутри сработал спусковой механизм, и весь скопившийся ужас излился наружу: я оттолкнулась рукой от шершавой поверхности и нырнула обратно в тоннель. В состоянии, больше похожем на бред, проскочила развилку, еще метров сто пролетела вперед, натываясь на влажные стены, пока не поняла, что нахожусь в соседнем рукаве и снова двигаюсь по кругу. Вдали блеснул ребристый силуэт, я вскрикнула, споткнулась и упала...

На этот раз без травм не обошлось: лодыжка заныла, а с пальцев закапала кровь. Так и есть – ладони содраны, губа разбита, на запястье глубокий порез. Я привалилась к прохладной стене, достала носовой платок и наспех обмотала рану, с какой-то фатальной решимостью оперлась на разбитую ладонь, наклонилась вперед, заглянула за выступ. Так вот что так сильно меня напугало: у самого входа в пещеру (туда вели оба тоннеля, но с разных сторон) белел обглоданный скелет – хребет с колючим шипом на хвосте и ровными рядами позвонков поблескивал в синем мерцании пещеры. Наверное, новая жертва дракона, вот только какого размера? На птицу не похож, напоминает больше гигантскую рыбу. Но откуда здесь рыба? И почему обглодана так чисто? А вдруг в пещере обитает падальщик? Чем больше я размышляла на эту тему, тем гаже становилось на душе.

Итак, из пещеры ведут два выхода, и оба через спящего дракона с его начисто обглоданной жертвой.

От этих мыслей начало мутить, а следом закружилась голова.

Я снова заглянула за уступ, чтобы получше разглядеть скелет. Нет, это не рыба и даже не ящер – это хвост гигантской рептилии. Но откуда он взялся и почему он в тоннеле? И если дракон съел какую-то тварь, зачем тогда выкинул хвост из пещеры?

Не отрывая от скелета глаз и напрягая слух, я выползла из своего укрытия, вжалась спиной в леденящую твердь и медленно двинулась вверх по тоннелю. На ватных ногах я продвинулась метров на десять, и с каждым шагом скелет становился длиннее и массивнее, а кости делались все шире и объемнее, пока не превратились в гигантские мослы. Еще немного за угол, и я увижу особь целиком. Стараясь сдерживать дыхание, я заглянула за уступ и тут же отшатнулась... Какой невероятный разворот: скелет заканчивался бурой чешуей, переходящей в горбатую спину. Казалось, что дракон живет своей отдельной жизнью и даже не подозревает, что хвост его окаменел. Я еще раз прислушалась: дыхания не слышно, пригляделась: спина не

вздывается, а ведь, по сути, такая махина должна пыхтеть как паровоз. Надлежало потрогать его, но только пальцы немели при мысли, что я прикоснусь, а дракон оживет.

– Нет, обойду его на безопасном расстоянии, – решила я, немного поразмыслив.

Чудовище казалось спящим, но не двигалось и не дышало. Кто его знает, может они впадают в анабиоз? Драконоведение в школах не изучают, и вспоминать учебник бесполезно. Шаг за шагом я осмотрела тушу целиком и не обнаружила признаков жизни. Потрогать так и не решилась – не смогла себя заставить. Теперь оставалось сложить в голове, как такое возможно, что хвост окаменел, а тело даже не разложилось: ни запаха, ни признаков тления – обычная мумия с белым хвостом – идеальный экспонат для зоолога, вернее, для драконоведа...

И тут я обнаружила еще один тоннель – в самом темном углу исполинской пещеры зиял вожаденный проход на свободу! И как я его не заметила сразу? А все этот монстр с его обглоданным хвостом!

Итак, передо мною три прохода: два маленьких, известных мне, и третий, гигантский, похожий на тоннель подземки. Того и гляди, из темноты послышится гудок, а следом выскочит электропоезд... В этот самый момент, словно в такт моим мыслям, раздался свист, а следом громкое шипенье, переходящее в протяжный низкий рев. Я вскрикнула и повалилась на пол. Рев накатился, сдавил перепонки, и я накрыла голову руками.

– Ну все, допрыгалась – дракон проснулся! Теперь уж лучше поскорей!

Мне показалось, воздух стал плотнее, наполнился тягучим ароматом. Я приоткрыла левый глаз: пещера заполнена странным свечением, вокруг меня клубится пар, а из дальней стены бьет струя, при этом издает зловещий низкий звук.

Когда я обрела способность мыслить, от ушей «отлегло», а в голове обозначился проблеск рассудка, в пещере снова было тихо, со стен сочился конденсат, остатки газа улетучивались кверху, воздух вновь обретал чистоту и прозрачность, и только шкура дракона чудесно мерцала во мраке, источая тонкий аромат.

Ай да пещера! Ай да газ! Дракон уже лет сто как опочил, а выглядит как новенький! Только кончик хвоста выдает его возраст – похоже, странный газ до него не доходит, просто-напросто не достает. Теперь понятно, почему местный житель сюда не суетя: от этого рева кровь стынет в жилах, а тут еще исполинская медная туша...

Постепенно все факты сложились в единый сюжет: век назад, может, два, может, три, умирающий монстр забрался в логово, чтобы облегчить свою участь, да так и не заметил, что скончался, и до сих пор лежит тут в качестве музейной утвари.

Ну, раз дракон сюда залез, то я уж выйду и подавно! И поздравив себя с грандиозным везеньем, я бросила прощальный взгляд на ископаемый объект и решительно двинулась в темный тоннель.

Идти пришлось не час и не два: лабиринт оказался на редкость коварным: просторный рукав выходил на отвесные скалы и кончался всемирно известным обрывом, объектом фотосессий и туризма. Для дракона нормально: взлетел – и на воле, а мне пришлось плутать, искать проход для бескрылых двуногих. Таких ответвлений обнаружилось три: два вели вниз в анфиладу пещер, а третий явно шел вверх и уменьшался с каждым шагом. В конце пришлось ползти на четвереньках и даже разгребать завал, который к счастью, оказался небольшим. Когда я вышла на поверхность, то не поверила своим глазам: я стояла все в том же затоптанном гроте, а надо мной красовалась наскальная надпись «Витек из Выхино».

Ровно пять минут в гору, и я на смотровой площадке. Передо мной растерянные пасмурные лица, взъерошенная потная экскурсовод, чуть в стороне зареванный Ванька.

– Мама! Мама! Живая! – Ванька вжался в меня, сотрясаясь всем телом. – Я думал, ты упала в пропасть!

– О Господи, куда же вы пропади? – экскурсовод подскочила ко мне, вся дрожа от волнения. – У вас засохшая кровь на лице и руках. Кости целы? Ничего не сломали?

– Все в порядке, – я отстранила надоедливую тетку. – Где Максим?

– Ваш муж? Уже бежит сюда, – произнесла экскурсовод, улыбаясь мне за спину. – Хорошо, что так быстро нашлись, мы уже начали волноваться.

– Быстро нашлась? – мне показалось, я ослышалась. – Меня не было ровно семнадцать часов.

– Вы, наверное, сильно ушиблись, – вздохнула она и посмотрела на меня с сочувствием, – мы искали вас ровно семнадцать минут...

И только тут я заметила, что солнце в зените.

Что происходит со временем и почему на дворе снова полдень, когда мои часы показывают полшестого утра?

Ванька слегка отстранился, принялся, потом прижался ко мне еще крепче:

– Ты светишься, и еще от тебя вкусно пахнет.

– Пещерной слизью?

– Нет, пионом... и, кажется... ландышем...

– Какое странное сравнение! – я чмокнула Ваньку в макушку. – Вообще-то эти два цветка пахнут совершенно по-разному...

– А знаешь, Ванька прав – это именно ландыш с пионом. – Макс обнял меня за плечо. – Ну ты, кума, даешь! Нельзя же так пугать!

– Ну раз все обошлось, – экскурсовод облегченно вздохнула, – не будем больше терять времени. Сейчас поднимемся по серпантину, а по пути осмотрим еще один грот, в котором по преданию течет целебный источник. В конце экскурсии дружно садимся в автобус и отъезжаем на обед.

– Все, с меня хватит! Никаких больше гротов! – решительно вставила я, но народ уже построился в цепочку и потянулся навстречу целительной влаге.

– Рассказывай! – нетерпеливо начал Макс. – Куда пропала и почему вся в крови? Помощь нужна? У тебя все в порядке?

Ванька крепко вцепился мне в руку, повис на ней, не смея отпустить и глазами буравя ссадины на моем лице.

– Сейчас доберемся до места, я отдышусь и все подробно расскажу.

Мне нужно было выиграть время, чтобы придумать версию для слабонервных (похоже, Ванька был сильно напуган) и подождать, когда останемся одни (еще подумают, что я свихнулась).

У входа в грот болталась горстка молодых людей. При нашем появлении они притихли, осмотрели меня с подозрением, но, заслышав первые слова экскурсовода, подтянулись поближе к источнику знаний, открыли рты, захлопали глазами и, словно выводок цыплят, затопали в хвосте колонны. Пока наша дама вещала про источник, способный исцелить все мыслимые и немыслимые хвори, я подошла к роднику, намочила платок, протерла им лицо, промыла рану на запястье и даже присвистнула от удивления: под слоем запекшейся крови не оказалось ни ссадин, ни следов недавнего падения. Я осмотрела ладони: ни единой царапины, протерла колени – и там ничего. И дело было явно не в воде: в двух метрах от меня Ванька неистово тер свою рану, не получая никакого результата. Все ясно: газ в пещере – вот источник вечной жизни, а вовсе не чахлый скупой родничок, к которому приникла наша группа. Скорей всего, источнику достались незаслуженные лавры: кому-то в прошлом повезло – попал под остатки чудесного газа (оказался в гроте в «удачный» момент), а все заслуги приписал ручью. Странно, что этот счастливцев не наделал в штаны, услышав адскую турбину, а может, и наделал, кто ж признается!

– Аккуратнее головы! Спускаемся в Грот Тишины, – пропела тетя-гид, ныряя под своды пещеры. – Переговариваться можно только шепотом, передвигаться только по веревке. А теперь внимание, мы входим на территорию легенды!

– Опять легенда, будь она неладна! Опять проклятые пещеры! – я уже повернула назад, но тут заметила, что Максим вслед за группой протиснулся в грот.

Я схватила Ваньку за руку:

– Не отставай, а то потеряешься! Тут что ни грот – то легенда. Сейчас найдем восторженного папу и вытащим его на белый свет. Как же достало меня подземелье!

Сумрачный Грот оказался настоящей дырой с низким темными сводами и спертым воздухом. Передние уже растаяли за сизой мглой, их шепот растворился и затих.

– Куда они ушли? – спросила я экскурсовода.

– Там еще один выход, прямо к нашей стоянке, – сказала она и поморщилась.

Что-то в этом испуганном взгляде, в этих суетливо бегающих глазках выдавало ее с потрохами. И я поняла – она цинично лжет. Фигура Макса маячила где-то в тумане, за ним плелась последняя пара туристов.

– Макс! – окликнула я.

– Не кричите! – зашипела на меня экскурсовод. – Здесь Зона Тишины. Кричать нельзя – дракон услышит.

– Да что вы говорите! – усмехнулась я и вторично окликнула Макса.

Макс не ответил и не обернулся. Зато обернулся один из туристов, он хлопнул Макса по плечу и что-то шепнул ему на ухо. Макс остановился, взглянул мне в лицо... и тут мне стало действительно страшно: пустой холодный взгляд, чужой и равнодушный – похоже, этот человек меня не помнил...

К Ваньке приблизилась экскурсовод:

– Дай руку, я проведу тебя через туман.

Я крепко сжала Ванькину ладонь, решительно уставилась на тетку:

– Притронешься к Ваньке, и я закричу! У твоего дракона лопнут перепонки.

– Не надо, не кричи. Веди его сама.

Первым желанием было сбежать из пещеры, но где-то впереди маячил Макс, потерянный, обманутый и страшно одинокий.

– Слушай внимательно, – зашептала я Ваньке, – за этой пеленой творится что-то странное, но мы должны идти за папой. Не бойся ничего и ни за что не отпускай мою руку.

– А как же дракон? – прошелестел несчастный Ванька.

– Дракона не бойся. Я его видела – он давно умер.

Ванька охнул, пошатнулся и вслед за мной шагнул во мглу...

* * *

– А вот и вы! – мне улыбалась приятная женщина лет сорока с красивой ранней сединой.

– Где остальные? – я вертела головой, все еще жмурясь от яркого света.

По всем расчетам солнце должно было свалиться за полдень, но на моих глазах аморфный канареечный желток легко отделился от горизонта и соком перезрелого лимона забрызгал кроны и верхушки скал. Я покосилась на часы: так и есть – шесть утра. Что творится со временем? И куда подевался народ?

– Вы не волнуйтесь, все уже на местах. Сейчас мы вас тоже пристроим, – тархтела веселая тетка, сверяясь с длинным мятым списком.

– Народ в автобусе? Оперативно!

Тетка, казалось, не слышала моей последней фразы – она растерянно тарщилась на Ваньку:

– А вы, я вижу, вдвоем... очень странно...

– Чего тут странного? Я с сыном, сын со мной. По-другому нельзя – у вас тут сплошные пещеры: то обвал, то провал...

Тетка посмотрела на меня с недоумением:

– Провал? Какой еще провал?

– Да ладно, не берите в голову, – я миролюбиво махнула рукой. – Так, где там, говорите, наш автобус?

Веселая тетка совсем растерялась и даже слегка погрузтела:

– У нас автобусы не ходят, – потом как-то приободрилась, будто вспомнила о чем-то важном. – Следуйте за мной на распределительный пункт.

– Куда-куда?

Но тетенька уже спешила к обшарпанной серой постройке, напоминавшей классическую проходную.

За стойкой шла активная работа: два долговязых брата-близнеца разбирали бумажки и ловко сортировали их по стопкам. Девушка в странных бежевых штанах «а ля клеши семидесятых» собирала готовые стопки бумаг и разносила по окошкам. Дальнейшую судьбу бумажек я так и не узнала, потому что при нашем с Ванькой появлении двойняшки вытянули шеи и побросали все свои дела.

– Вы почему вдвоем?

– А вы? – спросила я не очень-то любезно.

Двойняшки растерянно переглянулись:

– Мы не вдвоем. Мы каждый по себе.

– Ну а мы друг за дружку, – ответила я, начиная терять терпение. – Проводите нас к группе. Мне нужно отыскать супруга.

Мои слова расстроили их окончательно. Казалось, еще мгновение, и оба расплачутся, словно мальчишки. Сопровождавшая нас тетка подошла к одному из братьев, шепнула что-то на ухо. Тот выслушал, безропотно кивнул и с умным видом начал заполнять бумажку. Второй заглянул в писанину, пришел в замешательство и, бросив на меня безумный взгляд, не говоря ни слова, вышел вон.

– Дурдом на выезде, – вздохнула я, – и массовое обострение!

– Мы зададим вам несколько вопросов, потом проводим к эмиссару.

– Час от часу не легче! Какие вопросы? Ведите меня к моей группе!

– Ваш возраст? – начал долговязый, игнорируя мой объективный протест.

– Не ваше дело! – огрызнулась я.

– Профессия?

– Слесарь-сантехник!

Долговязый с готовностью начал писать.

– Эй, что вы там пишете? – я перегнулась через стойку.

– Слесарь-сантехник, – констатировал юный придурок.

– Зачеркните немедленно! – рявкнула я. – И напишите «офтальмолог».

Я уже понимала, что проще ответить и не усложнять себе жизнь.

– Машину водите?

– А вам-то что?

– От этого и будет все зависеть.

– Уникальный ответ! А главное, все объясняет!

– Ваш водительский стаж?

– Десять лет.

– Прошу вас выложить на стол все документы, а также фотокамеру и телефон.

Я только развела руками:

– Телефон безвозвратно утерян в пещере, камера тоже, документы в отеле, могу предложить только грязный платок.

– И последний вопрос...

- Слава богу!
- Здоровы?
- А вы? – осведомилась я, но тут же спохватилась. – Врожденный астигматизм и рефракционная амблиопия, – и зачем-то добавила. – Левого глаза.
- А еще у тебя дистония, – напомнил Ванька, молчавший до сих пор.
- Долговязый важно кивнул и занес мои показания в протокол.
- Детородная функция в норме?
- Как видите, – кивнула я на Ваньку. – Надеюсь, это все?
- Теперь, пожалуй, все.
- И мы можем идти?
- Сейчас вас проводят.
- Ура! Мы свободны!
- Из-за спины появилась знакомая тетка:
- Следуйте за мной!
- С превеликим удовольствием, – ответила я и кисло улыбнулась.
- Передо мной, словно в вагоне метро, разъехались стеклянные двери, и вслед за теткой я шагнула в коридор.
- Проход оказался довольно просторным. По всей его длине на равном друг от друга расстоянии располагались металлические двери, такие мрачные, такие неприступные...
- Куда мы идем? – не выдержала я.
- Ваш сектор номер семь, – ответила тетка, не оборачиваясь.
- А где мой муж?
- У вас нет больше мужа!
- От неожиданности я споткнулась и ухватилась рукой за холодную стену, а Ванька побледнел, испуганно попятился назад.
- Что значит «нет больше мужа»?
- Во всяком случае, он вас не помнит.
- Почему? – прохрипела я, часто моргая.
- Из Грота Тишины каждый выходит сам по себе. Все прежние связи стирает туман. Пропал из поля зрения, и тебя больше нет. Никто тебя уже не вспомнит, и ты не вспомнишь никого. Такова особенность тумана, такова особенность нашего мира.
- А как же я? Почему я всех помню? Почему меня помнит мой сын?
- От вас исходит странный аромат...
- Пион и ландыш?
- Точно, ландыш и пион. Вас трудно забыть!
- А сын?
- Вы держите сына в тактильном плену, он находится под вашим эгоцентричным влиянием.
- Теперь это называется эгоцентричным? – оторопела я. – Зачем вам это нужно?
- Наш мир на грани вымирания, – резонно ответила тетка. – Нам не нужны долгосрочные связи. Беспорядочный секс гарантирует больший прирост населения.
- Это не секс, это блуд! – меня била дрожь, по Ванькиным щекам катились слезы.
- Мама, я хочу домой, мне не нравится тетя, мне не нравится блуд!
- Не бойся, я тебя не брошу! Пусть только попробуют нас разлучить! Я им устрою логово дракона!
- Дракон натаскан на прием, он не выпустит вас из Даг-Гара, – также ровно ответила тетка.
- Мама, ты же сказала, дракон уже...

– Тихо! – шикнула я, и Ванька смолк на полуслове. Я притянула его к себе, горячо зашептала на ухо. – Не говори им про дракона! Пусть думают, что он охраняет их мир.

Провожатая бодро шагала вперед и, кажется, не замечала нашего перешептывания.

Я потянула Ваньку за руку, ускорила шаг, нагнала торопливую тетку:

– И много у вас свежей крови?

– Последнее время немного – стало трудно вербовать резидентов. Осталось пара местных из долины и еще одна сотрудница турфирмы.

– Та самая змея, что пела про легенды?

– Вы помните ее? – улыбнулась довольная тетка, – Хороший работник, исполнительный, грамотный. Показатели – высший класс! – беспечно вещала она, свято веруя в неуязвимость своей драгоценной персоны, а заодно и собственного мира.

– На таможне у нас не спросили имен...

– На месте вам выдадут новое имя.

– Скажите, здесь все страдают амнезией?

– Нет, только новички. Старожилы и местные в здравом уме – кому-то нужно управлять делами, – тут тетка хитро подмигнула. – Контроль и надзор должны осуществляться непрерывно, иначе мир ждет неизбежный хаос.

Открылась металлическая дверь, нас запустили в комнату и сдали на руки лысому дядьке. Тот строго посмотрел на Ваньку, чем окончательно его добил, достал из сейфа несколько бумажек, картонную коробку, в которой что-то звякало и перекатывалось.

– Следуйте за мной! – приказал он сурово и затопал на выход.

* * *

Готический приморский городок лениво сбрасывал остатки полудремы: просыпались бульвары и скверы, оживали витражи стрельчатых окон. Фонтан на площади журчал свою невнятную мелодию и весело поигрывал каскадами; дракон на исполинском постаменте прилежно выплевывал струйки воды, в беспечных утренних лучах казался сонным и ручным. На мостовой копошились облезлые птицы, они хлопали крыльями и никак не могли поделить заплесневелую корку. Ванька дернулся к птицам, но я вцепилась в него мертвой хваткой.

– Не вздумай! Отойдешь – и больше не вернешься!

Ванька послушно встал на место, поморщился, растирая пятно на запястье.

Рассвет прокатился по спящему городу: согрел фасады, омыл тротуары, позолотил фонтан с его веселыми каскадами, раскрасил площадь в рыжие тона. Резные фронтоны покрылись румянцем, тени сделались гуще, а блики смелее.

– Сюда! – позвал нас лысый дядька, ныряя в стрельчатую арку.

Вслед за ним мы прошагали меж пилонами, пересекли уютный тихий дворик, вошли в подъезд, поднялись по ступенькам на третий этаж, остановились у массивной двери.

– Здесь вы будете жить, – произнес он в пространство, открыл коробку, вынул из нее ключи. – В конверте талоны на первое время, пока не устроитесь на работу. Боюсь, придется экономить, на ребенка питания нету! Если хотите, я заберу его в распределитель.

– Исключено! – отрезала я, и Ванька спрятался ко мне за спину.

– Как знаете. У нас прекрасные лица, с хорошим питанием и воспитанием.

– Поэт! – скривилась я. – Ребенок будет жить со мной. Кстати, как я найду здесь работу? Я города не знаю, ни с кем не знакома... хотя, что толку заводить друзей – у вас тут повальная амнезия.

– На днях за вами придут и проводят на новое место работы.

– Все будут решать за меня: где жить и где работать?

– Мы подберем вам работу по специальности, а вы решайте, что делать с ребенком.

– Что значит «решайте»?

– Вы не можете водить его на поводке и работать с ним тоже не можете. Так что выбирайте сами: работать или сына караулить.

– Без вас разберусь. Где тут ближайший магазин?

– Все давки на площади, велосипед во дворе.

– Велосипед?

– В старом городе передвигаются на велосипедах, полиция ездит на лошадях.

– А остальные?

Лысый явно напрягся: говорить или нет, потом как бы нехотя протянул:

– Есть окружная автострада, для тех, кто водит авто и для тех, кто живет за пределами города.

– Я хорошо вожу машину.

– Это неважно, – отрезал дядька. – Вам не положен автомобиль.

– Почему?

Мой вопрос остался без ответа, потому что лысый неожиданно засобирился. Он сунул мне ключ и коробку впридачу, суетливо кивнул и поскакал вниз по ступенькам.

Мы с Ванькой открыли дубовую дверь, переглянулись и вошли в квартиру.

Миниатюрная прихожая на одного, просторная светлая комната, вполне пригодная для жизни без излишеств. Витражное окно во двор, на такие же точно чудные дома, убогие внутри, прекрасные снаружи. Из мебели: диван, этажерка, массивный гардеробный шкаф, два стула, низкий чахлый столик. Большая неожиданность ждала на кухне: здесь обнаружился дубовый стол, посудомоечная машина, СВ-печь и новый двухкамерный холодильник. Санузел тоже оказался на высоте: душевая кабинка с гидромассажем, добротные смесители, современная сантехника.

– Эkleктика какая-то! – произнесла я вслух и нервно обернулась. – Слава Богу, ты здесь!

Ванька стоял у меня за спиной и с любопытством разглядывал кухню.

– Не отходи от меня ни на шаг! И не отпускай мою руку!

– А как же я буду спать?

– Пока не знаю, но что-нибудь обязательно придумаю. Не бойся, я о тебе позабочусь!

Я действительно не представляла, как буду жить дальше: ходить на работу, воспитывать Ваньку, как смогу уберечь его от местной амнезии. А вдруг чудесный аромат, пропитавший одежду и кожу, испарится, едва я залезу под душ? А вдруг во сне мы с Ванькой забудем друг друга? Что это за место? Чем тут дышится? Что здесь за воздух: отравлен вирусом забвенья или пригоден для нормальной жизни? Вопросов было больше чем ответов.

После недолгой возни я распахнула, наконец, щеколду, распахнула окно, и в комнату ворвался свежий ветер.

– Мама, смотри, у нас во дворе детская площадка!

– Интересно, зачем? Может, первое время малышам позволяют жить в семьях?

Я выглянула из окна, полюбовалась на облезлые качели и деревянную песочницу с «грибочком». Двор показался мне пустынным, соседний дом – безлюдным и по-утреннему сонным. Всю эту серость оживляла только вывеска «Книги», а рядом медная табличка «Ювелир». В голове что-то щелкнуло и загудело, а через миг накрыло озарение.

– Ванюшка, собирайся! Мы идем к ювелиру!

Ванька часто заморгал.

– Говорю тебе, я, кажется, нашла решение.

У дома ювелира было тихо, на крыльце спал упитанный черный котяра. Я нажала на звонок, потом еще раз и еще, пока дверь, наконец, не открылась.

– Что за шум? Что за спешка? – из коридорной темноты возник приземистый рыжеволосый мужчина. – У нас пожар или землетрясение? Зачем вы растерзали мой звонок!

– У меня очень срочный заказ!
– У всех очень срочный заказ, но никто не ломает мне дверь!
– Плачу две цены! – выпалила я, еще не представляя, чем буду расплачиваться.
– Прошу в дом! – рыжий масляно улыбнулся, отвесил поклон и только тут заметил Ваньку. Глаза его округлились и даже слегка помутнели. – А вы, я вижу, с молодым человеком?
– Да, с очень молодым! – И, не дожидаясь дальнейших расспросов, я проскочила в открытую дверь. – У меня необычный заказ и очень-очень срочный. Его нужно закончить до ночи.

Ювелир покачал головой:

– Я не могу отложить все заказы ради вашей прихоти, мадам!

– Я же сказала: плачу по двойному тарифу!

Дядька явно размяк:

– Что изволит мадам? Я натурально озадачен!

– Сделайте мне наручники!

– Наручники!!! – его лицо превратилось в печальную маску. Мне даже стало жаль его (на несколько секунд). – Мадам смеется надо мной?

– Нет, вы не поняли, наручники будут из чистого золота, – я скинула с запястья два браслета. – На длинной золотой цепи. – С этими словами я расстегнула колье, протянул его ювелиру. – А это в качестве оплаты. – Вслед за колье отправилось мое обручальное кольцо. – Бриллиант – высший класс! Да что я говорю, вы же профессионал, оценивайте сами!

Прошла минута, прежде чем дяденька захлопнул рот и вновь обрел талант занудства.

– Так-так-так! – забормотал он, изучая материал.

– Как видите, работы тут немного, – запела я бодро. – Подогнать один браслет (я указала на Ванькину руку), припаять цепочку. Укрепить места соединений... ну и зубцы там всякие... и скобы....

Здесь ювелир как-то жалобно хрюкнул и вытер набежавшую слезу:

– До чего мы дошли! Пожилой человек, потомственный мастер ввязался в чистый криминал! Боже мой, куда катится мир!

– Да какая вам разница? Выполняйте заказ, получайте двойную оплату и радуйтесь жизни!

– Я все-таки сделаю ключ! – пригрозил ювелир. – Без ключа это натуральное злодейство!

– Как знаете, но только не тяните! И помните: двойной тариф действует только в течение дня. Я вернусь перед самым закрытием! – и, не слушая горьких ювелирских стенаний, я потянула Ваньку на выход.

* * *

По городу катился новый день, оживляя его, наполняя шумами.

Хмурый дворник размеренно шаркал метлой, торговка двигала тележку вверх по склону и мелодично распевала: «Пирожки! Горячие пирожки! С мясом, с капустой, с картошкой! Подходим, покупаем! Горячие пирожки!».

Послышался веселый перезвон, а секунду спустя на площадь выкатился почтальон с квадратным ранцем за спиной.

– Ну надо же! – улыбнулась я Ваньке, – Совсем как в старом кино: торговка, дворник, почтальон.

– А ты снова будешь врачом, – вставил Ванька и понуро уставился на лоток с пирожками.

– Почему пирожки? – спросила я торговку.

Тетка остановила тележку, оглядела Ваньку с ног до головы:

– Новенький?

– Новенький, – буркнул Ванька и шумно сглотнул.

– Держи! – она протянула ему засаленную бумажку с дымящимся в ней пирожком. – С мясом – самые вкусные! А деньги отдашь потом, когда накопишь, – и она рассмеялась грудным хриплым смехом.

– Спасибо! – улыбнулся Ванька. – Мы скоро заплатим, только устроимся на работу и сразу заплатим!

Но тетка уже топала по мостовой, позабыв про меня и про Ваньку, ее тележка громыкала по кочкам, а поручень повизгивал на ямках.

– Постойте! – окликнула я тетку. – А вы нас не забудете?

Тетка остановилась, пожала плечами:

– С чего бы? Теперь вы мои должники.

– И сына моего запомните?

– И сына запомню.

– Почему?

– Что значит, почему?

– Мы с вами не увидимся до завтра.

– Ну и что?

– А завтра вы нас не узнаете.

– Какая глупость! – фыркнула тетка. – Я еще никого не забыла. И с головой у меня все в порядке! У меня здесь дом, работа, материальная ответственность... – произнесла она с вызовом.

– А муж? Семья?

– Что такое семья?

– Все ясно! – выдохнула я. – Ну а тех, кто остался по ту сторону Грота, тоже помните?

Тетка сдвинула брови, поучительно произнесла:

– По ту сторону Грота жизни нет! За Гротом – лабиринты и Дракон, – произнесла всю эту ахинею, она повернулась к нам спиной и нервно толкнула тележку.

Ванька уткнулся мне в подол, горько всхлипнул:

– А вот и неправда! Там есть жизнь! И люди там есть! И тетя Маша, и дядя Володя! Еще там есть бабушка с дедушкой, а у них есть собака. Ее зовут Лотта... и дом у нас есть... и машина...

Я присела на корточки, обняла рыдающего Ваньку, погладила его по голове:

– Конечно, есть и Лотта, и машина, и бабушка с дедушкой тоже нас ждут! И мы к ним обязательно вернемся, только сначала папу отыщем! Ты, главное, держи меня за руку!

Ванька вытер слезы рукавом, посмотрел мне в глаза и со страхом прошептал:

– Мама, а вдруг я потеряюсь?

– Ты же слышал, они помнят друг друга, значит, и мы с тобой друг друга не забудем. Здесь память теряют только в Гроде, а мы его уже прошли.

– Мне страшно, мама! – тут Ванька снова задрожал.

– Сегодня вечером у нас будут наручники, а это значит... – улыбнулась я...

– ...что я буду сидеть на цепи, – брякнул Ванька.

Пару секунд мы смотрели друг на друга, а потом расхохотались во весь голос.

– Мам, а как же ты будешь работать? – спросил Ванька, насмеявшись.

– Я думаю, работать не придется. Моих бриллиантов хватит на неделю, а за это время я рассчитываю отыскать нашего папу... с твоей, конечно, помощью.

Ванька с готовностью кивнул:

– Нам нужно выработать план.

– Точно сказано! Все-таки ты у меня молодец!

Так вышло, что недели не хватило. Я продала и серьги, и оставшиеся кольца, но мужа так и не нашла.

С утра мы отправлялись на поиски Макса, а к вечеру, усталые, возвращались в квартиру и тут же падали без сил. Старый город жил своей размеренной патриархальной жизнью, и наша с Ванькой возня не нарушала его безмятежный уклад. Мы облазили все больницы и поликлиники и даже посетили частный медицинский сектор, но следов Макса не обнаружили. Я понимала: скорее всего, ему дали новое имя, возможно, отправили за город, где и пытаются переучить, вот только профессию быстро не сменишь: из психиатра так просто не сделаешь повара, не сделаешь даже плохого дантиста.

И мы упорно продолжали поиск...

* * *

За окнами лило, и казалось, что сумрак, нависший над городом, обнажил его истинную суть. Я читала полосу объявлений в газете, Ванька мирно дремал на диване. Последние несколько дней я позволяла ему разгуливать по дому без браслетов и даже бегать в киоск за газетой под бдительным контролем из окна.

– Еще пара дней, – думала я, перелистывая очередную страницу, – и придется идти на работу. Ваньку пристрою у себя в кабинете, а по вечерам буду учить его грамоте и всему тому, что еще не успела забыть. Интересно, какие тут учебники? Скорей всего такие же допотопные, как и все остальное, – тут я с сомнением покосилась на новенькую микроволновку. – А может, у них тут налажено книжное дело, а может, у них типография и собственный ресурсный центр? А может, даже академия наук? Издают себе местные книжки, обучают по местным методикам, преподают историю страны, навязывают этику безбрачия? Ведь кто-то должен шельмовать детей: объяснять, откуда все они берутся, и почему у них нет матерей.

Тут на глаза мне попалось объявление о наборе сотрудников в научно-исследовательский центр.

– Интересно, что они там исследуют? Наверное, решают, как побыстрее избавиться нас от воспоминаний или от привязанностей, или угрызений совести. Стоп, это же специальность Максима! Теперь посмотрим, где находится лаборатория! Так, нашла, Восемнадцатый сектор.

Я развернула карту города.

– Нет, это явно не в центре. Старый город заканчивается секторами Пятнадцать – Шестнадцать. Значит, объект находится за окружной. Скорей всего в пригороде.

Я принялась тормошить задремавшего Ваньку:

– Вань, вставай! Сгоняй за новой картой в книжный – у меня только центр, а нам нужны окраины и пригород за окружной.

Ванька нехотя поднялся с дивана, потер кулачками глаза:

– Деньги есть?

– На карту наберем. Заодно купишь себе пирожок у Анфисы.

– А мороженое?

– Ванька, будь человеком! У нас на хлеб едва хватает. Осталась только гречка с молоком!

– Ладно, ладно, я понял!

Ванька тяжело вздохнул и поплелся на выход. Пока он обувался, я сбегала на кухню, помешала кашу, убавила газ, потом вернулась в комнату, запрыгнула на подоконник.

Наш двор, как всегда, пребывал в полудреме, и только старые качели поскуливали на ветру.

Вот Ванька вышел из подъезда, обогнул цветники детскую площадку, протопал под арку, остановился. Все правильно: ждет, когда мимо проедет Анфиса. У Ваньки строгий указ – за

арку не ногой. Анфиса знает все наши причуды, сама подвозит Ваньке пирожки и даже машет мне, когда в приличном настроении.

Тут Ванька странно дернулся в сторону арки, взмахнул рукой, подпрыгнул и исчез. Внутри у меня все оборвалось.

– Ваня! – крикнула я из окна.

Во дворе тишина, только хлопанье крыльев – с земли вспорхнула стая голубей.

В состоянии, больше похожем на сон, я выскочила из квартиры, глотая пролеты, сбежала по лестнице вниз, толкнула подъездную дверь, снова крикнула: «Ваня!» – лишь короткое эхо в ответ да сиротливый лязг качелей. В один прыжок я очутилась возле арки, огляделась: на площади пусто, даже Анфисы не видно с ее пирожками, ни пешеходов, ни велосипедистов – весь город словно вымер или испарился. Я заметалась по площади, нырнула в первый переулок... во второй... заскочила в ближайшую лавку – и там никого... четвертый, пятый переулок – Ваньки нет! Тут что-то ухнуло и опустилось мне на плечи, ноги мои подкосились, в глазах потемнело, мир содрогнулся и рухнул во мрак.

Очнулась в квартире на сером постылом диване: окно открыто, в комнате сквозняк.

От стены отделилась долговязая тень:

– Пришли в себя? Наконец-то!

– Вы кто? – Я уставилась на незнакомца. – Как вы сюда попали?

– Вы задаете глупые вопросы. А впрочем, я не удивлен: с первого дня вы ведете себя неразумно: не подчиняетесь законам, позволяете себе идиотские выходки. – И, не давая мне опомниться, заговорил менторским тоном: – Ваш сын не учится, вы сами не работаете, занимаетесь черт знает чем! Как вы собираетесь жить в нашем городе? А главное, на что?

– Не ваше дело! – устало ответила я. – Так значит, это вы забрали Ваньку. Боюсь, что сильно опоздали.

– Что вы имеете в виду?

– Он меня не забудет. И я его тоже. Так что зря стараетесь – ничего у вас не выйдет. Рано или поздно я его отыщу.

– Вы странная женщина, – скривился незнакомец. – Вы абсолютно асоциальны, к тому же не имеете природной склонности к труду.

– Ага, а еще природной склонности к блуду.

Незнакомец принялся:

– Что у вас за духи? Мы, кажется, таких не производим.

– Зато производит вашдохлый дракон! – вертелось у меня на языке.

– Это пахнет одежда – я еще не стирала ветровку.

Долговязый навис надо мной, словно коршун:

– Завтра с утра на работу! – он сунул мне в руки помятый листок. – Здесь направление и адрес. И не вздумайте с нами шутить!

– А то что? В тюрьму посадите?

– Нет, не в тюрьму, – прошипел незнакомец и едко прищурился. – Мы отдадим вас в инкубатор. Будете производить для нас потомство, – и добавил, смакуя эффект. – Уж я найду вам применение! В моем ведомстве вас научат смирению – остаток жизни проведете на сносях!

От этих слов мне стало дурно, я снова провалилась в пустоту, и триумф долговязого остался за кадром.

* * *

На следующий день я вышла на работу. Мои губы дрожали, в душе клокотало, голова разрывалась от планов спасения Ваньки.

Равнодушно кивнув посетителям, я прошла в кабинет, закрыла за собою дверь, достала из сумки справочник, открыла в разделе «Детские центры и учреждения». Итак, что мы имеем: четыре лица и два интерната – один для одаренных, другой для умственно отсталых. Три лица и элитный интернат находятся в черте старого города – ими придется заняться в первую очередь. Математический лицей находится за окружной, а интернат для дурачков указан без адреса, но с телефоном, другими словами, секретный объект. А может, и вовсе они неотсталые? Может, помнят побольше других? Пожалуй, придется его отыскать.

В дверь робко постучали.

– Войдите! – приказала я.

Вошел мужчина средних лет.

– Вы на прием?

– Простите, не хотел вас отвлекать, но через час у меня начинается смена, – посетитель робко протянул талончик. – Здесь написано «восемь ноль-ноль».

Я посмотрела на часы: четверть девятого.

– Извините, первый день на работе, никак не освоюсь.

– Ничего, – улыбнулся мужчина. – Я знаю, как это бывает.

– Присаживайтесь! С чем пожаловали?

– Зрение падает... ну прямо на глазах! Простите за каламбур! – тут посетитель сдержанно хихикнул.

– Садитесь! – Я любезно улыбнулась. – Посмотрим, куда падает ваше зрение...

День выдался долгий и напряженный. Мешала головная боль, а еще постоянные мысли о Ваньке. Когда ушел последний пациент, ухмыляясь в усы, словно мартовский кот, меня уже откровенно мучило от местных мужей с их навязчивым флиртом и явно завышенной самооценкой.

Я сняла трубку, обзвонила один за другим три лица в надежде выяснить хоть что-нибудь о новичках. Обнаружилось, что два из них закрылись еще летом ввиду катастрофического недобора, а в последнем со мной отказались общаться.

– Никакой информации не даем! Обращайтесь к инспектору за разрешением!

Интернат для одаренных детей на поверку оказался женской гимназией и вслед за лицами выпал из списка.

К математикам я прозвонилась уже утром перед самой работой, поинтересовалась, много ли в этом году новичков. Мне ответили, что в этом году первоклассников не набирали, а приняли трех новичков: двух мальчиков десяти и двенадцати лет и одну восьмилетнюю девочку.

Итак, что мы имеем: таинственный лицей с хамоватым начальством и целым потоком детей из закрывшихся школ плюс интернат для умственно отсталых. Не мешало бы выяснить, с какого возраста здесь набирают в школу? Если с семи, то шансов еще меньше: Ваньке стукнуло шесть с половиной, а значит, придется искать его в бесчисленных дошкольных заведениях. С этими хмурыми мыслями я вошла в кабинет, села в кресло, закрыла глаза. Дверь скрипнула и мягко отворилась:

– Можно?

– Можно! Входите!

В кабинет как-то боком протиснулась хрупкая барышня, опустилась на стул, протянула талон.

– Мой личный номер Шесть, мое имя Глафира. Я к вам записана на восемь.

– Что беспокоит? – спросила я без особого интереса.

– Совсем плохо вижу, особенно вдаль.

Я провозилась с пациенткой полчаса и нашла у нее миопическое нарушение рефракции, а по-простому – близорукость.

– Примерьте очки! – распорядилась я. – Ваша полка вторая. Выбирайте любые.

Этот массивный стеллаж я уже успела оценить по достоинству, равно как и местную особенность бесплатно выдавать очки. Мало того, что под рукой надежный консультант, ты экономишь кучу денег, не говоря о золотом рабочем времени.

Глафира выбрала очки, нацепила их на нос, уставилась в зеркало:

– Ну вот, теперь я настоящая училка!

– Вы учительница? – похоже, мой вопрос прозвучал слишком резко.

– Ну да, учительница, – смутилась барышня.

– А где преподаете?

– В городском лицее.

– Девятый сектор, строение пять?

– Ну да, теперь все там работают, – барышня смотрела на меня с любопытством и легкой иронией, похоже ее забавляла моя возбужденность.

– А с какого возраста вы принимаете в школу?

– С шести, – улыбнулась она близоруко.

– Как хорошо!

Я уже отпустила поводья: нужна была информация, и за нее я готова была на любой, даже глупый поступок.

– А можно попасть к вам в лицей? У вас там пропускной режим?

– Понимаю вас! – вздохнула пациентка. – Сейчас так трудно встретить интеллигентного человека! Все научные центры за окружной... и адвокатские конторы, и больницы. В старом городе сплошь торгаши и банкиры, а местная элита засела в Ратуше и близко никого не подпускает. Только в школе и встретишь приличных людей. Но я вас разочарую: в нашем лицее работает мало мужчин, вы не найдете там достойного партнера.

Все это время я бестолково хлопала глазами, пока окончательно не убедилась: мадам уверена, что я ищу себе культурного самца. Мысль о том, что я усердствую ради ребенка, не приходит в ее безмятежную голову. Инстинкты материнства у населения вытравлены на корню! Все это горько и печально... и в то же время очень кстати: я снова остаюсь вне подозрений!

– Проведите меня в ваш лицей! – попросила я ангельским тоном и кротко взглянула на пациентку. – А я за это осматриваю детей. Проверю зрение у первоклашек.

Барышня поерзала на стуле, потеряла пуговицу на жакете, повздыхала, поморщилась... и согласилась:

– Я поговорю с нашим директором (кстати, очень солидный мужчина), – тут она заговорила подмигнула. – Хочу предупредить: на него имеет виды наша завуч – у нее после физика ни одного партнера за год.

– Обещаю вести себя скромно. Займусь кандидатами рангом пониже, – тут я позволила себе улыбку. – Тем более, физик уже на свободе!

Энтузиазм собеседницы померк на глазах. Я поняла, что брякнула очередную глупость:

– За физика не беспокойтесь! У меня с детства отвращение к естественным наукам!

Тут я запнулась, закашлялась и окончательно сникла, осознавая, что сижу в кабинете врача в белом халате и с офтальмоскопом на лбу.

Пациентка посмотрела на меня с недоверием:

– Я поговорю с нашим руководством, но ничего не обещаю!

И тут меня как будто прорвало:

– Вы не подумайте, я не какая-нибудь проходимка, просто еще до конца не освоилась. Ни друзей, ни знакомых! Все время одна! Даже не с кем поговорить!

– Да, конечно, – училка явно расслабилась, – за окружной гораздо интересней – там ваша среда: больницы, клиники, научные центры. А вас вот взяли в старый город. Все-таки ваша специальность – большая редкость! Элита к себе забирает только штучный товар, какой-нибудь жалкий терапевт сюда не попадет.

«Так вот в кого ты превратилась! – подумала я про себя. – Штучный товар в репродуктивном возрасте...»

Глафира позвонила через день:

– Ждем вас сегодня после обеда – с начальством я уже договорилась.

Ура! Мой план начал действовать! Доработаю до перерыва и сразу же сбегу в лицей. Минут пятнадцать уйдет на дорогу, час – полтора на медосмотр, еще четверть часа – обратно. А на работе подождут: пациенты здесь смирные, администрация сильно не давит, на опоздания смотрит сквозь пальцы. Навру им что-нибудь про спущенное колесо.

Так оно и случилось: едва досидев до обеда, я подхватила саквояж и выбежала на парковку. Не прошло и минуты, как я вырулила со двора, свернула на мостовую и покатила вниз по улице.

Мой путь лежал через сквер, заросший папоротником и самшитом. В тени могучих эвкалиптов дрожали перьями пальмы-близняшки. Магнолии грустно кивали мне вслед и сонно шелестели на ветру. Увы, но прохлада закончилась вместе со сквером – я выкатилась на бульвар под стройные стволы каштанов. Еще пара минут испепеляющего солнца, и бульвар остался позади, прямо по курсу выросли зубцы и шпили Девятого Сектора.

Девятый Учебно-Педагогический Сектор утопал в цветниках и фонтанах. Изваяния драконов всех мастей населяли и площади, и переулки; в каждом дворике, в каждом глухом закоулке гнездились их крылатые скульптуры. Похоже, Раптор был символом города и являлся фигурой номер один. Спящий, бегущий, летящий, плывущий – он дремал в цветниках, на газонах, в кустах, плескался в водоемах, его барельеф красовался на каждом фасаде. Не осталось никаких сомнений: Учебный Сектор – истинная вотчина дракона.

Из переулка Знаний я попала на площадь Науки, притормозила и сверилась с картой. Все верно: вдоль площади на равном друг от друга расстоянии находятся три симпатичных лица и гимназия для благородных девиц (из которых впоследствии вырастет штучный репродуктивный товар). Я отыскала строение под номером пять и здесь в тени припарковалась, поднялась по ступенькам, открыла дубовую дверь.

На этаже было пусто, где-то тикали настенные часы, из-за дверей долетали аккорды и нестройный детский хор с его традиционным «до-ми-соль-ми-до».

– Вам кого? – раздалось у меня за спиной, и я невольно вздрогнула.

Рыжеволосая девица с бойкой и умной мордашкой окинула меня небрежным взглядом, заметила модельные кроссовки (последняя коллекция New Balance), удивилась, задумалась, повеселела:

– Вы, наверно, из медицинского центра?

В этом месте я аккуратно кивнула.

– А я – Аделаида, секретарша. Пойдемте, покажу вам наших вундеркиндов.

– Только начальные классы, – строго вставила я. – У меня жесткий график.

– Конечно, конечно! – согласилась девица и поплыла вглубь коридора, – подготовительный? Первый? С какого начнем?

– Начнем с того, который ближе.

Девица распахнула дверь:

– Подготовительный класс, шестилетки, всего пятнадцать человек.

Мы вошли в просторное светлое помещение, меблированное лишь до середины: два ряда по четыре парты, а за ними свободное место для игр. Малыши оторвались от тетрадок, с любопытством уставились на гостей.

Я жадно вглядывалась в их мордашки и с ужасом ждала, что вот сейчас один из них вдруг выскочит из-за парты и с криком «Мама!» повиснет у меня на шее! Нас моментально расшифруют и разлучат уже надолго, ведь никакого сигнала я дать не успею!

Но класс молчал, незнакомые детские лица продолжали изучать меня все с тем же интересом, а я проклинала себя за легкомыслие и за то, что едва не подставила Ваньку.

– Медосмотр! – объявила девица.

Я подошла к доске, повесила таблицу Сивцева, отмерила пять метров, выставила стул:

– Надеюсь, все знают буквы?

Учительница утвердительно кивнула и вызвала первого по алфавиту.

Осмотр занял двадцать минут и не выявил никаких патологий.

– Зрение в норме у всех, но у двоих небольшое косоглазие, – объявила я учительнице. – Рекомендую показать их детскому офтальмологу.

– Да что вы! – махнула она обреченно. – У нас и взрослого-то нет.

– Непорядок! – я покачала головой. – Вы должны привезти их ко мне на прием.

Учительница сделала серьезное лицо:

– Исключено! Мы не имеем права покидать территорию сектора.

– Безобразие! – возмутилась я. – Вы рискуете здоровьем учеников из-за каких-то глупых правил!

Обе девушки шумно вздохнули, опустили глаза, словно двоечницы-второгодницы. Мне даже стало их немного жаль, вот только сидевший во мне офтальмолог никакой моей жалости не разделял.

– Ведите меня к первоклашкам, а потом в кабинет руководства!

У первоклашек была физкультура, и на осмотр вызывали по одному. Теперь я могла спокойно осуществлять свой хитроумный план, не подвергая риску ни себя, ни сына. Ваньки здесь тоже не оказалось, и, закончив осмотр, я двинулась к директору лицея. К моему появлению он был готов – рыжеволосая Аделаида уже слила весь компромат.

– Добрый день! – расцвел директор, едва я переступила порог. – Знаю, знаю! Наслышан, наслышан! Но ничего поделать не могу!

– Значит, вам наплевать на детей?

– Зачем вы так? У нас прекрасный школьный врач и поликлиника тоже на уровне. Вот с офтальмологом точно проблема – уже три года как на пенсии.

– Пускай выходит на службу и лечит детей!

– Куда там! – махнул рукой директор. – Старику уже за восемьдесят. Сам еле видит. – И он беспомощно развел руками.

– А за городом есть врачи?

– Там офтальмолог один на весь пригород и, кажется, тоже для взрослых.

– А как же дети?

– Чего не знаю, того не знаю! – он покачал головой и с интересом уставился мне в декольте.

– Ну все, мне пора, у меня пациенты! – объявила я строго.

– Уже уходите? Какая жалость! – расстроился похотливый начальник.

– Вы извините, у меня рабочий день! – С этой фразой я выскочила из кабинета и едва не столкнулась со своей близорукой подружкой.

– Ну как? – произнесла она тревожно.

– С мужчинами у вас беда! – Я улыбнулась сочувственно-скорбно. – Ваш директор мужчина, конечно, представительный, но мне бы чего-нибудь поэкзотичней! – и тут же поправилась: – В пределах школьной программы, конечно.

– А знаете, – она мечтательно вздохнула, – моя хорошая знакомая перевелась в закрытый интернат. Так вот, у них есть физрук, говорят, интересный мужчина, – тут она позволила себе пошловатый смешок (теперь, когда учитель физики был в безопасности). – Могу при случае вас познакомить...

– С физруком?

– Да нет, с приятельницей.

– А она...

– А она проведет вас на территорию центра.

Аллилуйя! Победа! Теперь я знаю, как попасть в интернат для опасных детей!

– Спасибо за помощь! Буду вашей должницей, – прокаркала я и с любезной улыбкой зашагала на выход.

Весь вечер, все утро и весь последующий день я не сводила глаз с телефона, но ожил он ближе к ночи. За какие-то полчаса смешливая и звонкая болтушка, учитель истории из интерната, описала мне весь свой коллектив и даже ловеласа-методиста, который явился к ним в прошлом году и за время работы успел отправить в декретный отпуск всех местных нянечек и поварих.

– А куда же смотрел ваш знаменитый физрук? Как он все это допустил?

– Ну что вы! – рассмеялась моя собеседница. – Наш физрук уважает образованных женщин. А еще он у нас почитатель Изида: ему подавай длинноногих и стройных и желательно в белых халатах! Учителя его уже не вдохновляют.

– Так, может, ему спортсменку подыскать?

– Спортсменку? – задумчиво пропела трубка, и я прикусила свой длинный язык. – Идея хорошая, только спортсменки малость туповаты, а наш эстет любит умных! Себя-то он считает просветленным, всем говорит, что учится заочно в медицинском.

– Вот те раз! – оторопела я. – И на кого?

– Говорит, на травматолога.

– Жаль, что не на проктолога! – вставила я, и моя собеседница радостно хмыкнула.

– Я думаю, с вами ему будет интересно. Найдете, так сказать, общий профессиональный язык.

– А вы, наверное, друзья?

– С чего вы взяли?

– Вы так о нем печетесь...

– Сейчас я вам все объясню по порядку, – тут голос болтушки заметно подсел. – Мы с ним прожили вместе почти полгода, и все у нас было замечательно, и я уже надеялась на скорое потомство (вы же знаете, за каждого ребенка нам хорошо прибавляют к зарплате), так вот, две недели назад явилась эта рыжая из центра.

– Простите, кто?

– Ну эта новенькая – педиатр из центра переподготовки. Дешевая драная кошка! Говорят, она прибыла с последней партией (из тех, что поступили в конце августа).

– Поступили откуда? – задала я аккуратный вопрос.

– Откуда и все... – растерялась болтушка.

– Никто не знает?

– Когда-то знали, а теперь забыли...

– Ну хорошо, а я-то вам зачем?

– Ах да! – спохватилась моя собеседница и, кажется, слегка приободрилась. – Ваша кандидатура подходит идеально: во-первых, вы врач, во-вторых, вы свободны, а еще вы натуральная блондинка, у вас высокий рост и спортивное телосложение, короче, все, что любит наш физрук.

Я поразились:

– Разведка что надо! Теперь я тоже чувствую себя дешевой драной кошкой.

– Простите, я не хотела вас обидеть! – в трубке послышались нотки раскаяния. – Просто ужасно захотелось отомстить! Пусть тоже помучается и пострадает, пусть побывает в моей шкуре!

Вся эта непосредственность могла казаться милой, когда бы не звучала так цинично. А впрочем, что тут удивляться: в этом средневековом Содоме никто ни с кем не церемонится, а отношения между полами давно свелись к банальной случке.

– Ну... если я так хорошо вам подхожу, давайте разработаем план действий.

В душе мне было тошно и противно, но на кону стоял мой сын, а это означало лишь одно: я буду играть в эти грязные игры, притворяться, изворачиваться, лгать и, если надо, нарушать закон. Мой план был прост: спасти сначала Ваньку, потом пытаться отыскать Максима. Я с трудом представляла, что буду говорить ему при встрече – ведь это ясно: он меня не помнит, возможно, даже не поймет, кто я такая и чего хочу. Как в этом случае действовать, как объясняться? Каким потрясением это станет для Ваньки! Стоп! Ванька... а вдруг он тоже? Ведь неизвестно, что с ним сотворили, как действует на жителей этот отравленный воздух, как быстро угасает память? Благодаря чудесному газу в пещере я сохранила мозги и, насколько чувствую, материнский инстинкт. Пока мы были вместе, Ванька помнил, но что с ним случилось без меня? Вдруг теперь он лишился рассудка, забыл меня, забыл, кто есть сам, потерял связь с прежней жизнью и собственным прошлым?

Мысли роились, словно осы в дупле и доводили меня до отчаянья. Я понимала, что нахожусь в эпицентре враждебной вселенной, с ее варварской этикой, пошлыми взглядами и насмерть убитой моралью. И еще одна мысль не давала покоя: этот чертов физрук, как вести себя с ним, что говорить, что делать? А если он окажется маньяком, начнет приставать и потащит в постель? Такое тоже исключать нельзя. Готова ли я к таким жертвам? На этот вопрос у меня не было ответа, не было сил даже думать об этом, не то что строить планы и решать.

– Давайте поступим так, – вещала тем временем трубка. – Вы подойдете к нам в субботу, когда в интернате не будет занятий, а я организую вашу встречу.

Наивная! Зачем же мне день без занятий? Выходной мне не нужен – мне нужен урок и, желательно, Ванька на этом уроке. В противном случае теряется весь смысл, а мой визит превращается в сплошную авантюру с непредсказуемым финалом.

– Не будет занятий? – встревожилась я. – Как же я познакомлюсь с объектом? Вообще-то хотелось увидеть его на уроке, посмотреть, так сказать, в деле.

– А я и предлагаю посмотреть его в деле: в эту субботу у нас «Веселые старты», а в них участвует вся школа – мы с вами незаметно пройдем на трибуны, подсядем к старшеклассникам, посмотрим соревнования, обсудим объект.

– Говорите, вся школа? Даже самые младшие?

– Все, кроме заболевших.

– А много у вас заболевших? – спросила я с тревогой в голосе.

– Сразу видно, что разговариваю с медиком! – рассмеялась трубка. – Не волнуйтесь, у нас на редкость здоровые дети... даже слишком здоровые... Двое новеньких на карантине и один температурит третий день.

– Понятно, – вставила я, хотя понятного было немного.

Если Ванька попал в интернат, значит, мог оказаться в числе поступивших и сидеть на глухом карантине. Как в этом случае действовать? Что предпринять? Не могу же я выдать себя с потрохами и заявить: «Покажите, где прячете новеньких!».

Тем не менее, случай выдавался уникальный: маячил шанс увидеть сына или узнать о нем хоть что-то.

– Во сколько приходить?

– Приходите без четверти десять.

И собеседница продиктовала адрес интерната.

С утра в субботу накрапывал дождь, и я уже смирилась с тем, что соревнования отменят, но к девяти распогодилось, тучи рассыпались, разметались по небу подобием линиялой серой мути и уступили место стабильной переменной облачности.

Я крутила педали, вертела головой, изучая таблички с названием улиц, а на руле трепыхалась раскрытая карта. Согласно карте мне предстояло проехать насквозь медицинский квартал, пересечь автостраду и выкатиться на проспект под названием «Академический» (тот самый сектор номер восемнадцать, который, как я помнила из объявлений, был кузницей и грезой всех научных кадров). Проспект упирался в прибрежный бульвар, а тот в свою очередь вел к интернату. На карте интернат, конечно, не был обозначен, но бульвар выводил меня на улицу Надежд, а следом в переулок Странников, 15. В этом месте на карте стояла жирная точка, обозначающая конечный пункт.

Я проскочила поворот, ведущий на мою работу, потом стоматологию, потом ветеринара; еще пара минут – и весь частный медицинский сектор остался позади, а впереди образовалась магистраль. Автомобили неизвестных мне моделей, похожие на «Опель» и «Фольксваген», двигались в обоих направлениях с крейсерской скоростью 40 км. Я спрыгнула с велосипеда и повела его в тоннель, служивший подземным переходом. Навстречу не попало ни души, и я подумала, что эти потоки машин разделяют не только сектора и кварталы... Тоннель закончился крутым подъемом, который и вывел меня на поверхность. Последний робкий шаг из подземелья – и, словно водопад с отвесных скал, на меня хлынул пригород. Контраст оказался настолько разительным, что на секунду я опешила, растерянно захлопала глазами. По улицам шныряли тачки всех мастей и размеров, на огромных экранах мелькала реклама, динамики ухали и надрывались:

– Принимайте участие в ежегодной осенней акции! Две плазменных панели по цене одной!

Тут же грохнул увесистый рок, и чей-то грубый баритон запел на тему падших душ. Мелодия мне показалась знакомой, вот только ее необычная версия сбивала с толку и мешала думать.

Из магазина выкатилась шумная компания подростков. Выкрикивая что-то про колонки и перебивая друг дружку, они дошли до ближайшей парковки и погрузились в поджидавший их микроавтобус.

Я стояла растерянная и потрясенная, а вокруг грохотало, гудело, мелькало!

Поражали не только постройки с их урбанистической архитектурой, не наличие транспорта и не плотность потока – ошеломлял туземный ритм жизни, динамичный, напористый... абсолютно иной. Контраст с готическим патриархальным центром был настолько велик, что показался сном во сне.

С минуту я висела в пустоте, потом стряхнула наваждение, запрыгнула на агрегат и покатилась вдоль проспекта. Велосипедистов здесь было немного, точнее сказать, я одна. Меня изучали с большим интересом, свистели вслед и отпускали разные словечки, а я нервно крутила педали и раздраженно бурчала под нос:

– Жалкие чайники на утюгах! Думают, что самые крутые! Вот бы сюда мой новенький кроссовер – и посмотреть на их физиономии!

До интерната я доехала довольно быстро и задержалась только на парковке – пыталась понадежнее пристроить агрегат да так, чтобы не вызвать лишних подозрений. В конце концов я бросила его в тени гигантского платана.

На пороге меня поджидала высокая стройная дама в спортивном костюме:

– Вы опоздали! Все уже на стадионе.

– Простите, не знала, что у вас тут движение...

– Первый раз за окружной? – смягчилась дама. – Все с вами ясно: привыкайте к нашему ритму! У вас, у небожителей, динамика иная...

– Совершенно иная.

– Матильда! – представилась собеседница, и я подавила невольный смешок.

– Очень приятно, Арина! – и только тут поняла, почему мне не выдали новое имя. Все до банальности логично: мое имя с очевидным патриархальным акцентом, так раздражавшим в прошлой жизни, прекрасно ложится в мелодику местных имен.

– Прошу за мной! – пропела Матильда и повернула в правый коридор.

Интернат оказался просторным двухэтажным строением современного типа с классическим казенным интерьером. Через заднюю дверь мы попали во внутренний двор, обогнули цветник и площадку для игр, миновали кустарник и уперлись в ограду школьного стадиона.

Я грустно покачала головой:

– В старом городе школы похожи на замки, сплошные фонтаны, сады и драконы.

– Не нужно сравнивать, – ответила Матильда и как-то странно прищурилась. – Вы живете в ином измерении.

«Как в точку!» – подумала я.

Стадион гудел, трибуны колыхались, взъерошенные детские макушки выплескивались из бурлящей массы, но, помаячив, оседали.

– Нам сюда! – приказала Матильда, и вслед за ней я протиснулась к левой трибуне.

Старшеклассники послушно расступились, оглядели меня с ног до головы.

– Мадам Матильда, – решилась одна из девиц. – Вы привели к нам новую учительницу?

– Мадам Арина – офтальмолог, и у нее профессиональный интерес, – весело изрекла Матильда и сделала серьезное лицо, предупреждая все дальнейшие вопросы.

Девушка хмыкнула и отвернулась, а в центре стадиона нарисовался дуэт из грузной дамы и плечистого красавца.

Матильда криво усмехнулась, зашептала мне в самое ухо:

– Директор школы и физрук. Смотрите, вырядились, словно попугаи, даже футболки одинаковые нацепили!

– Доброе утро, ребята! – начала необъятная тетка. – Осенний турнир «Веселые старты» объявляю открытым!

Стадион захлопал, загудел, я завертела головой, пытаясь просканировать трибуны. Получалось это плохо, потому что в глаза мне светило высокое солнце, а зрители метались и галдели, сбивая ракурс, путая картинку. Моя затея обнаружить Ваньку окончательно провалилась, едва физрук дал знак к началу стартов. В тот же миг стадион заходил ходуном, завопил на все голоса и смешался в единую пеструю массу.

– Что скажете? – Матильда с интересом вглядывалась мне в лицо. – Как вам наш жеребец?

Только тут я заметила, что стадион опустел, и лишь у выхода топчется кучка подростков.

– Вполне, очень даже вполне... – от огорчения хотелось плакать, не оставалось сил даже подняться со скамейки.

Все напрасно! Вся авантюра оказалась бесполезной! Я не встретила Ваньку и не узнала о нем ничего! Что теперь остается? Ходить под забором? Заглядывать в окна? Ведь к этим детям меня не подпустят, это уж будьте любезны! Здесь не тот контингент, чтобы общаться с кем попало, здесь прячут тех, кто представляет явную угрозу, кто подрывает местные устои. Здесь собраны дети, которые помнят! О да, эти дети прекрасно все помнят! Я читала по их выражению лиц, по глазам, по случайному робкому жесту, я ощущала каждой клеточкой души, что странным образом проникла на стратегический объект.

– Вы расстроены! Вам не понравился мой протез! – Матильда выглядела потрясенной. – Очень странно: он нравится всем. Его хотят заполучить абсолютно все женщины! Нет, что-то с вами не так! А может, вы его просто не разглядели? Ну, конечно, не разглядели – он же стоял у восточных трибун! Давайте я вас познакомлю!

И, не слушая дальнейших возражений, она потащила меня в школьный сад.

– Ждите здесь! – она ткнула пальцем в кусты и с удвоенной прытью поскакала к дверям интерната.

Я опустилась на скамейку, сцепила руки в замок, обреченно вздохнула.

Какой бессмысленный и бестолковый день! Вместо того чтобы искать Ваньку, наводить справки о муже, я сижу тут под липой, жду, когда меня представят местному кобелю, который страсть как уважает образованных девиц спортивного телосложения! Сейчас начнет тужиться, выдавать весь арсенал приличных анекдотов, сыпать армейскими каламбурами и байками из жизни футболистов. За что мне, Господи, за что? Ну почему я отпустила Ваньку одного, зачем сняла с него браслет? Что, трудно было оторваться от дивана, спуститься во двор, самой купить эту чертову карту? Сижу теперь, глотаю слезы, представляю, как где-то страдает мой сын...

– Добрый вечер! – раздалось у меня за спиной, и я невольно хрустнула костяшками. – Простите, не хотел вас напугать.

Ко мне подсел мускулистый шатен лет тридцати пяти, загорелый, ухоженный и безупречно красивый.

«Ну все! – оборвалось в душе. – Уж этот точно идиот! Такое оперение с мозгами редко дружит!»

Должно быть, мне плохо удавалось прятать свои мысли, потому что плечистый вздохнул и печально изрек:

– Ну не такой уж я тупой!

– Я ничего такого не сказала!

– Да бросьте, еще секунда, и вы завоюете с тоски.

– Неприятности на работе, – соврала я зачем-то.

В самом деле, зачем обижать человека! Может, он не мудрец, но ведет себя просто, проявляет сочувствие, даже симпатию. Ну что ж, не повезло ему с мозгами, не все рождаются Эйнштейнами! Разве он виноват, что родился спортсменом? А может, у него красивая душа, может, он любит романсы и пишет стихи?

– Не пишу я стихов! – заявил мускулистый, чем окончательно меня добил. – Давайте знакомиться: меня зовут Матвей.

– Арина, – просипела я, закашлялась и густо покраснела.

Матвей переждал весь этот приступ суеты и произнес миролюбиво:

– Не бойтесь, я не террорист. Матильда развернула бурную деятельность: решила свести нас во что бы то ни стало. Не побоялась даже Рапторов! Давайте не будем ее огорчать: поговорим для порядка и мирно разойдемся.

– Давно здесь работаете? – спросила я больше из вежливости.

– Два года, – любезно ответил Матвей.

– А до этого служили кем?

– До этого я жил по ту сторону Грота.

– Понятно, – вздохнула я. – Значит, два года – это все, что мы помним...

– Нет, не все. До Грота я работал программистом.

Я машинально кивала в ответ, пытаясь сосредоточиться на словах Матвея, но только глубже уходила в собственные мысли.

– Вы хотите сказать, что программист может стать физруком? – произнесла я почти механически.

– Вполне объяснимо: здесь программисты не нужны ввиду отсутствия компьютеров, а физрук из меня хоть куда – в прошлой жизни я занимался разными видами спорта, по некоторым даже имел разряд, – улыбнулся Матвей и уставился на меня с явным любопытством. – Значит, вас удивило, что я стал физруком, и совсем не удивило, что я помню всю жизнь по ту сторону Грота?

Возникла неловкая пауза, во время которой я тщетно пыталась придумать ответ, который объяснит мою оплошность и в то же время не разоблачит, не выдаст всех моих секретов. Так не хотелось доверяться незнакомцу, рассказывать ему, что я тоже все помню! Здесь откровенность не в почете и ни к чему хорошему, как видно, не приводит!

– Не переживайте, я никому не скажу! – шепнул Матвей и хитро подмигнул мне левым глазом.

– Здесь все такие же, как вы?

– Нет, нас таких совсем немного (если вы о взрослых), а вот дети здесь учатся весьма необычные.

– Насколько необычные? – спросила я.

– По-разному... Одни помнят все, другие частично, у третьих странные видения, то ли из прошлого, то ли из будущего, – тут Матвей улыбнулся, похлопал меня по руке. – Ваш сын тоже здесь.

– Ванька! – охнула я.

– Не шумите, вы привлечете внимание! – Матвей поднялся со скамейки. – Давайте прогуляемся по набережной! – Он глянул на часы, потом на окна интерната. – Рабочий день закончился, и я могу проводить вас домой.

– Я живу в старом городе... – начала я извиняющимся тоном.

– Знаю, – просто ответил Матвей. – Здесь агентура – высший класс! Вы даже не представляете, как много я о вас узнал! Новички у нас тут вроде сериала, ну, а счастливы, которых забрали в старый город, – настоящие звезды!

– Тогда идем! – заторопилась я. – Чего же вы стоите!

– Да не спешите вы так! – рассмеялся Матвей. – Я, конечно, спортсмен, но не самоубийца и не экстремал! Сейчас покажу вам лазейку в ограде, и мы спокойно отсюда уйдем, не привлекая внимания общественности. Нам ведь не нужны проблемы с законом?

Он сделал несколько шагов и обернулся:

– Ну что, идете или нет?

Я бросила прощальный взгляд на окна интерната, за одним из которых томился мой сын, и вслед за Матвеем нырнула в кустарник.

Еще пара шагов, и перед нами вырос частокол, заплетенный орешником и виноградом.

– Издалека не разглядишь! – произнесла я восхищенно.

Матвей лукаво усмехнулся:

– Ну да: на это весь расчет!

Коварный частокол скрывался в зарослях лещины, он терялся в листве, растворялся в тенетах ветвей и стволов.

– Сюда! – позвал Матвей и начал протискиваться между прутьями.

– Вот мы и на свободе! – Он подал мне руку, помогая спуститься с пригорка.

– А дети тоже так умеют? – спросила я, одергивая майку.

– Какая разница? Им некуда бежать! Там, за оградой, все свои, им есть о чем поговорить. А здесь, снаружи, – блуд и амнезия.

– Сурово! – рассмеялась я. – А вы здесь, выходит, единственный праведник.

– Вот это действительно сурово! – Матвей покачал головой. – А главное, заслуженно!

– Извините, я не хотела вас обидеть. Просто у вас тут какой-то Содом... сплошные самки и самцы... не ожидала встретить человека.

– А за это спасибо! – улыбнулся Матвей. – Я разделяю ваши чувства. Сам побывал на вашем месте, пока не обтесался понемногу, со временем, конечно.

Мы вышли на набережную, и только тут я спохватилась:

– Велосипед! Я бросила его под деревом у входа в интернат.

– Сейчас доставлю! – коротко сказал Матвей и растворился за кустами.

На берегу было пусто, сиротливая чайка клевала песок, сквозь шум прибоя доносилось бречанье гитары. Привычная картина обычного курорта. На секунду мне показалось, что я вернулась назад в свою прежнюю жизнь, что сейчас за спиной раздадутся шаги, и Ванька возьмет меня за руку, потащит в ближайший ларек за мороженым. Тут сердце сжалось и зануло, горло свело, дыхание сбилось, защипало глаза.

– А вот это вы зря! – Матвей схватил меня под локоть. – Здесь плачут только от боли. Будете привлекать к себе внимание и попадете под надзор. Вас тут же вычислят и заберут.

– Куда заберут?

– В отделение Раптор. Там изучают неформалов.

– Да бросьте вы! Меня давно расшифровали! – произнесла я сквозь слезы. – Я сама себя выдала в первый же день: заявила, что все помню, отказалась сотрудничать... даже Ваньку на цепь посадила. Вот только ничего не помогло – забрали Ваньку! – я снова всхлипнула.

– Никуда не годится! – Матвей достал платок. – Сейчас зайдем ко мне, вы успокоитесь и расскажете все по порядку.

– И не надейтесь, я к вам не пойду!

– Будет логично (для тех, кто за нами сейчас наблюдает), если я отведу вас к себе на квартиру – это во-первых, а во-вторых, вы должны мне все подробно рассказать, а в-третьих, вы будете слушаться, если хотите, чтобы я помог.

– За все приходится платить...

– Расплатитесь информацией, – сквозь зубы произнес Матвей. – Садитесь живо на багажник!

В квартире было тихо и темно. Матвей отдернул шторы, раздвинул стеклянные двери, и в комнату ворвался свежий бриз.

– Красиво! – улыбнулась я, выходя на балкон.

Волны лоснились в лучах заходящего солнца, гигантские тени деревьев чертили бульвар, их кроны покачивались на ветру, и казалось, что почва ушла из-под ног, я лечу над прибоем, словно вольная птица, сбросив беды свои и земные печали, грудь наполняет закатная свежесть, а голову – праздные мысли о чуде.

– Располагайтесь! – пригласил Матвей. – Я приготовлю вам кофе. Бьюсь об заклад, вы не ели с утра.

С этими словами он вышел на кухню, а я вернулась в комнату, присела на диван, принялась изучать обстановку. Добротный книжный шкаф, забитый медицинским хламом, журнальный столик без единого журнала, большое кожаное кресло у окна и платяной зеркальный шкаф. Не густо! Можно даже сказать, аскетично.

– Чем занимаетесь после работы? – крикнула я.

– Читаю учебники по медицине, – донеслось с кухни. – Хочу заделаться врачом.

– Зачем вам это нужно?

Матвей появился с подносом в руках:

– У нас тут один травматолог на весь сектор – сухая древняя старушка, уже забыла собственное имя...

– Я почему-то не удивлена.

– ...а детям нужен врач, не маразматик. Вы уже догадались, что мы не боимся эпидемий – у нас закрытое учреждение, и никакие инфекции нам не страшны, а вот травмы случаются, и очень даже часто.

– Вы просто доктор Айболит!

– Не нужно колкостей! Вам не понять, что пережили наши дети, как им приходится здесь выживать!

И я прикусила язык. Действительно, зачем я так! Там за оградой страдает мой Ванька, а я тут сижу, упражняясь в сарказме, глумлюсь над единственным человеком, которой в состоянии помочь.

– Простите, я больше так не буду! Никак не привыкну, что вы не такой... что с вами можно говорить...

– Я знаю, что вы обо мне думаете. Не заблуждайтесь на мой счет! – ответил Матвей, выставляя на стол две чашки и тарелку с сыром. – И внешность у меня обманчива... Да, кстати, извините, кроме сыра, ничего предложить не могу.

– Да что вы! Спасибо и на том!

– Если хотите, я сбегаю в лавку, куплю вам еды.

– А у меня такой голодный вид?

– Нет, просто неловко, что не могу прилично угостить такую важную особу из старого города, – с ироничным почтением прокаркал Матвей.

– Да, непорядок! – я покачала головой. – Недоработочка вышла. Совсем не подготовились к визиту важной дамы!

– Виноват, исправлюсь! – Матвей взял под козырек и снова убежал на кухню. Вернулся с плиткой шоколада. – Вот, собирался зажать, но не вышло!

Он развернул обертку:

– Хотите, пожую за вас?

– Не надо, я справлюсь!

– Ну, а теперь поговорим серьезно, – голос Матвея стал приглушенным. – Как получилось, что вас с сыном оставили вместе? Почему вы все помните? Кто вы такая?

– Сначала вы. Мне нужно убедиться, что вам можно доверять.

Матвей кивнул:

– В прошлой жизни я был программистом, занимался спортом, имел семью. Все как у всех... за небольшим исключением... Даже не знаю, как вам объяснить... Короче говоря, я потомственный знахарь.

– Что значит «знахарь»?

– Все мои предки лечили людей. Нет, они не были врачами, они были травниками и целителями. Мне по наследству передались их таланты, только я долго пытался отречься, так сказать, откреститься от семейного дара. Считал его греховным, что ли. Как выяснилось, зря, нельзя бежать от собственной судьбы!

– А почему вы не признались на таможне? Зачем назвались физруком? Могли бы стать здесь фармацевтом!

– Нет, это невозможно. Не мог же я назваться колдуном! Меня бы тут же взяли под контроль. Я сразу понял, что не стоит светиться.

– А я вот сдуру выдала и Ваньку, и себя. Права качала, хамила, ехидничала, короче вела себя как идиотка!

– Я думаю, вы просто растерялись, к тому же пытались защитить ребенка.

– Но вы-то повели себя разумно!

– Я вижу больше остальных, могу заглядывать за временные рамки, интуитивно чувствую опасность. Я понял, что произошло, и выбрал лучший вариант самозащиты. Мне было проще – я колдун.

– Поэтому не потеряли память?

– Есть причина, – Матвей скинул с шеи веревку с висящим на ней медальоном. – Я родом из Драконова ущелья, все мои предки жили там веками и по наследству передавали этот амулет. Теперь нажмите на зрачок!

Я осмотрела медальон и обнаружила, что он имеет форму глаза. «Крокодилий», – подумала я, но, приглядевшись, поняла – Драконий.

– Ну, жмите! Смелее! – повторил Матвей и ободрительно кивнул.

Я надавила на зрачок, и комнату наполнил аромат.

– Ну что, узнали?

– Ландыш и пион! – произнесла я, глупо улыбаясь.

– Теперь вы поняли, почему я не мог вас упустить?

Я коротко кивнула.

– У вашего сына тоже пахнут волосы...

– Перед сном я целовала его в макушку.

– Я почему-то так и думал... – Матвей вернул на шею амулет. – Мы вытащим Ваньку и придумаем, как вам бежать, но для начала я должен услышать вашу историю.

И я рассказала ему все: про пещеру с драконом, про газ из стены, про истлевший хвост и провалы во времени, про Ваньку и Макса, про золотые наручники и визит вурдалака.

– Так значит, Власа больше нет, – задумчиво произнес Матвей. – И кроме вас, никто об этом не знает.

– Ну да, я так сказать, единственный свидетель.

– И это может оказаться очень кстати...

Мы проговорили всю ночь и заснули под утро: я на диване, Матвей – в своем кресле.

Уже рассвело, когда я открыла глаза. В квартире было пусто: ни шороха, ни звука. Я вылезла из-под пледа, которым заботливо накрыл меня Матвей, прошлась по комнате, остановилась у окна.

А что, если у хозяина квартиры свои коварные планы? Может, в данный момент он сдает меня с потрохами какому-нибудь упырю из системы безопасности и в награду получает жилье в одном из элитных центральных кварталов?

Щелкнул замок, дверь распахнулась, и на пороге возник Матвей с хозяйственной сумкой в руках:

– Вот решил сбегать в магазин, думал, вернусь, пока ты спишь.

– А мы уже «на ты»? – спросила я довольно резко и тут же поняла, что за грубостью пытаюсь скрыть конфуз и муки совести за гадкие мыслишки.

Матвей прошел на кухню, и оттуда донеслось:

– Мы провели с тобой ночь, так что можешь не кокетничать! Я даже боялся, что ты начнешь качать права и будешь требовать, чтоб я женился.

Вслед за Матвеем я вышла на кухню, остановилась в дверях:

– Тебе помочь?

– Я ты как думала? Давай, готовь нам завтрак! – с этими словами Матвей достал из сумки пакет молока и упаковку чего-то мясного. – Омлет с беконом и зеленый чай! – закончил он вполне хозяйским тоном.

– Слушаюсь и повинуюсь! – пропела я довольно кисло и даже сделала короткий реверанс.

– Вот так-то лучше! – похвалил меня Матвей. – А то вы в своем центре совсем распустились, забыли, кто в доме хозяин!

Пока я жарила бекон, Матвей с умным видом перебирал какие-то бумажки.

– Послушай, объясни-ка мне одну простую вещь, – не удержалась я. – У нас в старом городе кухни космического поколения, а у вас тут какая-то древняя рухлядь. Разве не вы производите всю современную технику?

– Ну да, нас держат в качестве услуги. Даже научные центры работают только на горстку элиты. Если ты обратила внимание, небожители предпочитают готический стиль, а в том, что касается быта и всяких там технических новинок, тут уж будьте любезны, все должно быть на высшем уровне. Напрягаться по дому они не хотят!

Матвей еще немного пошелестел бумажками, прищурился, слегка задумался:

– Я тут сверился с расписанием на понедельник: у первого класса урок физкультуры. Думаю, Ваньку твоего уже выпустят из карантина, и мы с ним сможем полноценно пообщаться.

– Если б ты знал, как хочется его увидеть! – произнесла я осипшим голосом.

Слезы одна за другой закапали на сковородку и зашипели меж кусками бекона.

– Ну вот, у нас опять потоп! – уверенным жестом Матвей отстранил меня от плиты, сунул в руку салфетку. – Тебе нужно быть сильной, если хочешь вытащить Ваньку, а еще нужно быть мудрой и хладнокровной. Любая ошибка может стать роковой и для тебя, и для меня, и для Ваньки.

Я промокнула глаза, вытерла нос, обреченно вздохнула:

– Выкрасть Ваньку – еще полдела. Как протащить его через кордон? Как найти Макса и как с ним говорить – он же не помнит ни меня, ни сына. А вдруг он откажется с нами бежать?

Матвей нахмурился, покачал головой:

– Боюсь, ты не все до конца понимаешь. Вам придется возвращаться через лабиринт, а там наш Грот с его известной аномалией. Это только в легенде дракон пожирает сбежавших, на самом деле беглецы теряют память. Зона Тишины воздействует довольно примитивно: точно известно, что туман стирает родственные связи, но не влияет на профессиональные навыки, иногда, в редких случаях, остаются хаотичные картинки из прошлой жизни. Возвращаясь назад через Грот, ты теряешь последние ориентиры, здесь туман уже действует без церемоний. Короче говоря, попадая сюда, забываешь про жизнь по ту сторону Грота, а, выходя отсюда, уже не вспомнишь собственного имени. Становишься чужим по обе стороны пещеры. Такие люди приходили к нам в ущелье, сначала их пытались «добудиться», потом отправляли в лечебницы, переводили в научные центры... Беспросветная амнезия – вот что ждет беглецов.

– Нас с Ванькой тоже?

– С тобой все просто: ты получила стойкий иммунитет. У Ваньки твоего иммунитета нет, хотя благодаря тебе он помнит всю жизнь по ту сторону Грота. При переходе сотрутся воспоминания об этом мире, скорей всего, он даже не вспомнит, что бывал здесь когда-то... а вот мужик твой потеряет все и выйдет из пещеры идиотом.

– Я здесь его не брошу!

– Ну кто бы сомневался! Ты сначала найди его, вытащи Ваньку, а потом уже с ружьем на баррикады! – усмехнулся Матвей и положил на тарелку дымящийся омлет. – Давай, садись, поешь, а то с голодухи совсем озвереешь!

Я послушно уселась за стол:

– У тебя есть идеи, как вытащить Ваньку?

– Давай поступим так: я с ним поговорю, посмотрю, в каком он состоянии, потом наведаюсь к одной своей знакомой на таможню, узнаю, как там обстоят дела, и заодно проверю лазейку...

– У тебя есть лазейка, у тебя есть амулет, и ты до сих пор не сбежал?

Матвей печально улыбнулся:

– Ты еще многого не понимаешь. Ну ничего, со временем поймешь!

Мы выпили кофе и разбежались кто куда: я – домой в старый город, Матвей к своей знакомой на кордон. Договорились встретиться во вторник после работы ровно в семь.

Когда я выкатилась на центральную площадь, часы на ратуше пробили полдень. Тучи одна за другой протаранили небо, последняя зависла надо мной и разродилась полноценным ливнем. Меня тут же накрыло, пробрало до костей. Город нахмурился и отступил: с крыш полило, по мостовой побежали ручьи, фонтаны и статуи спрятались за пеленой, сделались зыбкими и растворились.

Уже вовсю громыхало, а небо чертили зигзаги, когда, промокшая насквозь, я въехала под арку, припарковалась под навесом, забежала в подъезд, поднялась по ступенькам, дрожащими

руками открыла дверь квартиры. Еще несколько долгих и зябких секунд, и я прошлепала в душ, переступая через мокрую одежду.

Как хорошо, когда техника в полном порядке! Душевая кабинка с говорящей панелью: тут тебе и сауна, и гидромассаж! Не то что за городом – старая ванна, обшарпанный душ, допотопные краны...

Постепенно я пришла в себя, согрелась и повеселела. Мне даже на секунду показалось, что этот мир не так уж плох. Не заberi они Ваньку, не заморочь Максима, глядишь, и прижилась бы здесь! Вполне приличный старомодный городишко. Работа есть, продукты – высший класс, не говоря уже о местном колорите! О такой приморской сказке можно только мечтать, да и климат вполне подходящий.

Я вышла из душа, надела халат, прошла на кухню, заварила чай.

В дверь постучали.

На этот раз ко мне явился маленький круглый упырь. Был он вежлив и учтив, по комнате не шастал, ничего не вынюхивал, а просто сунул мне в руки листок, попросил расписаться.

– Что это? – выдавила я.

– Мы очень довольны, что вы, наконец, образумились и даже выбрали себе партнера. Серьезный, спортивный, без вредных привычек. В общем и целом мы одобряем ваш выбор, не одобряем только местожительство партнера. Могли бы подыскать такого же на нашей стороне.

– Сердцу не прикажешь, – едко вставила я.

Упырь посмотрел на меня с подозрением и продолжил уже менее учтиво:

– Здесь гарантийное письмо.

– Письмо?

– Стандартная расписка.

– Расписка в чем?

– Все как обычно: вы обязуетесь не приводить любовника домой.

– А где же мы будем встречаться?

– Будете ездить к нему на квартиру. Сюда его водить не следует. Обслуга должна оставаться за городом.

В голове застучала тревожная мысль: «Если они за мной следят, то уже догадались, что я вышла на Ваньку. Тогда почему позволяют встречаться с Матвеем? Так хорошо контролируют процесс или для них важнее всего мой детородный возраст? Настолько важнее, что готовы рискнуть и выпустить меня за окрестную, лишь бы держать обслугу подальше от центра! А так ли уж они беспечны? Может, просто уверены в собственной силе, а может, в преданности пса, который прячется под маской друга? И кто же ты, Матвей, на самом деле? Как выяснить, что у тебя на уме? Как бы то ни было, общаться нам не запретили, а значит, я могу ездить куда захочу и вынашивать планы спасения Ваньки».

– Давайте вашу бумажку!

Я пробежалась глазами по тексту: стандартная форма, типичные фразы «Гарантирую... Ручаюсь... Обязуюсь...».

– Скажите, – обратилась я к толстому дядьке, – как здесь распределяют новичков: кого в старый город, кого за кольцо?

– В старый город не попадает никто, – ответил толстяк и нахмурился.

– А как же я?

– Вы – исключение. У нас проблемы с окулистами.

– Не поставляют или разбежались?

– Был тут один, лет пятнадцать назад, – сказал толстяк и протянул мне поршневую ручку. – Подписывайте!

– Ах да, расписка... – я занесла перо. – Так что случилось с вашим офтальмологом?

– Не справился с работой.

– Что значит «не справился»? Опоздывал? Прогуливал?

– Он совершил врачебную ошибку, – сказал толстяк и почему-то покраснел.

Я уставилась на него с недоверием:

– Он должен был серьезно постараться. У офтальмологов это ЧП. Расскажите подробней.

– Военная тайна! – выпалил упырь и пошел красными пятнами.

– Ничего не понимаю: как офтальмолог мог допустить врачебную ошибку и вляпаться при этом в криминал? Он что, ослепил падишаха?

– Какого еще падишаха?

На толстяка было жалко смотреть: рубашка мокрая, на лбу испарина, руки дрожат, морда красная – того и гляди, хватит удар.

– А как вы называете верховного жреца? А может быть, у вас диктатор?

– У нас всегда был бургомистр... – промямлил толстяк и полез за платком.

– Ну как я могла ошибиться! Конечно, бургомистр, а по-простому – городничий! А вы, стало быть, жандарм или карабинер?

– Я обычный управдом.

Упырь растерянно вращал глазами, по жирному лицу струился пот.

Мне стало скучно в образе садиста, я черкнула на бумажке и протянула несчастному ручку:

– Вы мне вот что скажите: у вас тут можно поменять профессию или, скажем, сменить специальность?

– Вам-то зачем? Такая удача: квартира в старом городе, место в лучшей клинике, приличный оклад! Вы что, хотите все испортить?

– Да я не про себя! Мой новый знакомый Матвей, извините, не знаю фамилии...

– Матвей Двадцать Третий.

– Простите?

– У нас номера, у нас нету фамилий.

– Час от часу не легче! А я у вас кто?

– Вы – Номер Восемь.

– Ну прямо концлагерь!

С минуту я перебирала в уме варианты: «Мадам Арина Номер Восемь» или «Доктор Арина Восьмая», потом вернулась к теме разговора:

– Так вот, мой приятель, Матвей Двадцать Третий, собрался выучиться на врача. Выходит, он может сменить профессию и место работы?

– В принципе это возможно, – толстяк наморщил лоб, слегка надулся. – Если ваша старая специальность в избытке, а новая в дефиците. Иногда мы рекомендуем пройти дополнительный курс обучения или даже сменить род занятий.

Интересно, как у них обстоят дела с психиатрами? В моей клинике полный комплект. Если в других местах такая же картина, значит, Макса отправили за окружную, а там – в научный центр, а там – на курсы переподготовки... И где теперь его искать?

– Желаете сменить обои или шторы? – толстяк уже пяtilся к выходу, обзревая мой убогий интерьер.

Почти отеческая забота о жильце! Похоже, я тут действительно важная птица!

– Обсудим это в следующий раз!

Я вытолкала толстяка за дверь, вернулась в комнату, уселась на диван и просидела несколько минут, анализируя наш странный разговор, потом сняла трубку, позвонила Матвею:

– Привет, Двадцать Третий!

– Вижу, времени зря не теряла! – ответил мне веселый голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.